

МИРЫ М. и С. ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

СКРУТ

ФЭНТЕЗИ

Марина и Сергей Дяченко

Скрут

«Автор»

1997

Дяченко М.

Скрут / М. Дяченко — «Автор», 1997

В довольно-таки мрачном фэнтезийном мире зарождается довольно-таки светлая и романтическая любовь... И, возможно, они жили бы долго и счастливо и умерли в один день – если бы в ветвях зловещего леса не жил, ожидая своего часа, могущественный и безжалостный, с довольно-таки странными представлениями о справедливости – Скрут...

© Дяченко М., 1997

© Автор, 1997

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	26
Глава третья	39
Глава четвертая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Марина и Сергей Дяченко

Скрут

Пролог

...Травы больше не было. Была измочаленная, мягкая, влажная подстилка, но девочка предпочла бы сплошной ковер из крапивы. У нее на босых пятках – чужая кровь...

Злобный человек в железной одежде хотел остановить их, но ее провожатый что-то негромко сказал – и человек отступил с поклоном.

– ...Не испугаешься?

Много-много черных птиц. Отрешенно бродят женщины; провожатый сказал, что каждая из них заплатила злему железному человеку золотую монету. Но женщин мало, потому что те, кто бились здесь, пришли издалека... Их женщины еще думают, что они живы...

– Не смотри, – сказал провожатый. – Я буду смотреть... А ты закрой глаза.

Она закрыла – но так было страшнее. Тогда она стала смотреть вверх – на солнце, по-прежнему тусклое и круглое, как та монета, которую надо заплатить за право ходить среди мертвых...

– Никогда не думал, что буду когда-нибудь искать на поле боя – куклу... Нету ее, малышка. Пойдем.

Девочка молчала. Если бы не он, не ее спаситель – она лежала бы тут тоже. Растоптанная, лежала бы среди этого страха, среди этих перекошенных криком ртов, среди обнаженного мяса, над которым тучей вьются зеленые мухи. А вороны те отлетают, ненадолго, неохотно...

Ветер донес запах костра – не веселый и сытный запах, а тошнотворный, отвратительный, страшный. Я знаю, *для чего* этот костер, подумала девочка, и ей сделалось дурно.

– ...Дурак я, что тебя послушал. Нельзя тебе тут... И не найдем. Тут человека невозможно найти, не то что... Давай, я тебя на плечи возьму...

Девочка молчала.

Кукла Аниса лежала там, где должна была бы лежать сама девочка – прямо посреди поля. Рядом торчал воткнутый в землю меч; девочка отшатнулась. Аниса с ног до головы была черной, кровь пропитала ее насквозь, да так и запеклась. Нарисованное углем лицо стерлось, будто вороны не пощадили и куклу.

– Она мертвая, – сказала девочка, и это были первые ее слова за много часов. – Она тоже мертвая, тоже...

Провожатый сдвинул ее руку:

– Да. Но мы живы, малышка. И будем жить долго.

Глава первая

* * *

... Вот и доверяй после этого плохим приметам.

Солнце еще не успело нырнуть за кромку леса – а они уже стояли перед Алтарем, и по молчанию Илазы Игар догадался о множестве вещей. Он понял в том числе, что спутница его, оказывается, никогда не верила до конца в успех их предприятия; тем не менее вот они стоят перед Алтарем, и их Право щедро оплачено пережитым страхом.

Да, господа хорошие, не всем удастся достичь заветной цели – и это справедливо. Не будь леса и связанной с ним тайны, не будь этих кровавых и мерзких легенд – и любой дурак являлся бы к святому камню вовсе без уважительной на то надобности: поглазеть, в речку плюнуть, рыбку выудить...

Игар криво усмехнулся. Когда-то, говорят, так и было – пока Алтарь не взбунтовался и не призвал людей к порядку. Теперь сюда приходят только те, кому иначе никак нельзя, для кого это последний шанс... Впрочем, из этих, отчаянных, тоже доходят не все.

Река оказалась широкой и мелкой, Илазе по колено. На дне смутно белели мелкие камушки – а царь-камень, Алтарь, лежал прямо посреди потока и с первого взгляда напомнил Игару огромный непрожаренный блин, бледный такой, неумехой выпеченный; он тихонько хмыкнул. Илаза глянула недоуменно и сердито: что смешного, мол? Алтарь!

Игар сделал серьезное лицо – но нервный смех шел изнутри, раздирая рот к ушам.

– Прости, – выдавил он, пытаясь руками сдержать непослушные губы. – Это... Оно само...

В следующую секунду он уже валялся по траве, сотрясаясь от нервного хохота, а Илаза стояла над ним, плотно сжав рот, и красноречивее всяких слов были ее гневно сверкающие глаза.

Солнце село. Светлого времени осталось всего ничего – и потому приходилось спешить.

От ледяной воды заломило ноги. Не обменявшись ни словом, оба выбрались на плоскую спину священного камня и, не сговариваясь, оглянулись.

Лес подступал к самому берегу. Лес пропустил их и теперь молча ждал диковинного действия; под ревнивым взглядом Илазы юноша вытащил из своего ранца тонкую восковую свечку, пчелиные соты, перепачкавшие медом покрывавшую их тряпицу, короткий кривой ножик с полукруглым лезвием и глиняную фигурку, изображающую быка. Текст подобающих слов записан был на смятой бумажке – Игар не надеялся на свою память, которую даже Отец-Научатель считал «дырявой».

– Великий Алтарь, прими нашу жертву... Освяти наш союз, ибо люди не желают освятить его. Помыслы наши чисты, и нет между нами ни лжи, ни власти, ни денег; клянемся принять твое благословение и сочетаться браком до самой смерти...

Игар говорил неторопливо и веско, как и положено ритуалом – но происходящее казалось ему репетицией или сном, он никак не мог взять в толк, что вот оно, пережитое много раз, вымечтанное и выстраданное свершается, но как-то слишком просто, быстро и буднично.

– ... а если один из нас умрет раньше, то другой останется в целомудренном одиночестве. Услышь нас, мы приготовили тебе жертву!

Илаза, молча стоявшая за его спиной, поймала его ладонь, и он почувствовал, что ее рука мелко дрожит.

Полоснуть себя острым лезвием оказалось непросто – Игар всегда боялся крови и боли. Но разрезать палец Илазе оказалось еще сложнее в конце концов она сама взяла из его рук кривой полумесяц-ножик, и ее кровь закапала вслед за кровью Игара – прямо в медовые соты. Глиняный бык неотрывно смотрел на огонь свечи; морду его Игар вымазал медом с примесью крови, а Илаза умастила мужское достоинство быка, любовно изваянное скульптором.

Это еще не жертва. Глиняный бык – всего лишь свидетель.

Небо над их головами медленно гасло; от воды тянуло холодом – но камень казался теплым, все теплее и теплее, свечка трещала и дергала язычком пламени; Игар тоже содрогался. Ему очень хотелось поймать в сумерках плечи Илазы, обнять, защитить и защититься самому – но он знал, что сейчас они не должны касаться друг друга. Ни за что.

Наступила ночь. Свечка прогорела наполовину; над непроницаемо черными кронами близкого леса показался узкий серпик месяца – будто кто-то зашвырнул на небо ритуальный нож. Игар встал.

...Союз, скрепленный, на Алтаре, незыблем. Через несколько часов все женщины мира умрут для Игара, на всем свете останется только Илаза. На всю жизнь. Случись с ней внезапная и безжалостная гибель – Игар не освободится от присяги, он будет вечно одинок, верен мертвой жене...

На мгновение ему сделалось холодно и страшно. Позор – он готов был отступить; одним неловким движением его невеста выдала такую же недостойную слабость. Поймав ее испуганный взгляд, Игар догадался, что и она стыдиться и тоже хочет колебание сокрыть; странное дело, но испуг Илазы помог ему справиться с собственной нерешительностью. Он даже смог ободряюще улыбнуться.

Еще минуту они стояли в темноте, слушая дыхание друг друга, избегая смотреть в глаза. Мысли Игара метались: но он ведь не может жить без Илазы, это так естественно, это не приращение, а лишь исполнение предначертанного...

Потом Илаза тоже взяла себя в руки. Улыбнулась счастливо и в то же время напряженно:
– Пора...

Игар проглотил комок:

– Когда... Догорит свечка.

Они повернулись друг к другу спинами и шагнули в поток по разные стороны камня. Чтобы оказаться на разных берегах, но не выпустить из виду огонек свечи.

Ледяная вода обжигала ноги, но Игар не чувствовал. Одежда казалась сплошным липким пластырем; он выбрался на берег, стянул с себя все до нитки и на кучу тряпок бросил храмовый знак на цепочке – Алтарь не терпит чужих амулетов. Ему по-прежнему казалось, что это либо сон, либо происходит с кем-то другим – слишком нереально, слишком просто, буднично...

...Алтарь заключает браки, которых никогда не благословили бы люди. Алтарь связывает навек – и тогда людям некуда деваться, они проклинают все и вся, но если королева сочетается на Алтаре с подпаском, то либо ей до смерти жить в хлеву, либо пастушок станет властелином. Только так. Они выбрали.

Жертвой камню служит кровь, проливаемая девственницей во время первой брачной ночи. Игар не знал точно, должен ли быть и жених невинным тоже – раньше ему не составляло труда уверить себя, что эта тонкость камню безразлична. Теперь же, стоя голышом на берегу ночной речки и до боли глазах всматриваясь в мерцающий огонек, он в ужасе вспомнил ту рыженькую девчонку, которой он сначала заморочил голову беззастенчивым хвастовством, а потом было поздно отступать, а потом она вдоволь насмеялась над его робостью, а потом Отец-Дознатель, самый страшный на ските человек, наложил такое тяжелое искупление, что у Игара целый месяц глаза лезли на лоб от непосильной работы и ежедневного наказания...

Свечка мигнула и погасла. Содрогаясь, Игар шагнул в воду – что бы там ни было, отступать поздно...

Хотя разве такие мысли уместны сейчас, за минуту до...

...но в этот момент из темноты навстречу ему выступила нагая Илаза, и неподобающие мысли пропали. И всякие мысли пропали. Вовсе.

Надо полагать, лес видывал и не такое. Лес не первую сотню лет стоял над лентой реки, над Алтарем в ее водах – и год за годом храбрые парочки являлись сюда, презрев опасность, и взбирались на брачное ложе из белого камня. Лес видел в темноте, и лес глядел бесстрастно.

Два нагих тела исполняли ритуальный танец. В какой-то момент решительность изменила девушке, и она попыталась вырваться, столкнуть с себя избранника, напряженного, как струна; за века своей жизни лес видывал в том числе девственниц, покидающих Алтарь раньше времени и в панике удирающих на берег. Юноша бормотал что-то успокаивающе-невнятное – слова его терялись за шумом реки, и лес видел капельки пота, выступившие на гибкой узкой спине; случались здесь и беспомощные женихи, униженно умоляющие невест о снисходительности. Нынешние двое оказались ничем не примечательной парой – успокоив девушку, парень возобновил свои ласки, и дыхание его становилось с каждой секундой все глубже и тяжелее. Девственница же не знала, счастье она испытывает или страдание – однако покорила не избежному и не пыталась больше отсрочить жертвоприношение.

В небе висели звезды, желтые и крупные, как яблоки. Над рекой стелились ароматы ядовитых ночных цветов; темные ветки простирались высоко над над водой, и, если бы серпик месяца обернулся полнотелой луной, то среди светлых камней на речном дне обнаружили бы темные спины форелей. Юноша застонал сквозь плотно сжатые зубы, девушка забила от боли, сдерживая крик; по черным кронам прошелся ветер, и в голосе веток послышалось одобрение.

Две звезды, чуть менее яркие и чуть более желтые, непонятным образом очутились на берегу, среди стволов. Владелец круглых равнодушных глаз смотрел, как вода в реке поднимается, перехлестывает через Алтарь, смывая кровь девственницы – жертва принята... Через мгновение камень вновь поднимется над водой, захлебывающиеся новобрачные снова окажутся на суше, и руки, судорожно вцепившиеся в тело другого, понемногу расслабятся, и эти двое впервые осознают, что таинство свершилось...

Круглые глаза мигнули, и равнодушное выражение оставило их – всего на долю секунды.

...Шли медленно – через каждые десять шагов приходилось валиться в траву и целоваться до умопомрачения, до онемения воспаленных искусанных губ. Игару страстно хотелось бесконечно повторять то, что случилось ночью на камне – но он сдерживал себя, понимая, что Илазе необходим отдых.

Илаза похожа была на человека, сбросившего гору с плеч – просветленная, она то подминала под себя высокую траву с синими россыпями цветов, то набрасывалась на Игара с ласками, то, откинув голову, сама подставляла под ласки пьяное от счастья лицо. Тогда он с наслаждением вдыхал ее запах, запах кожи и нежного пота, речной воды и тонких духов – потому что среди самых необходимых пожитков Илаза прихватила из дому крохотную скляночку, подарок искусного парфюмера. Они возились в траве, как веселые щенки; обратная дорога была сплошь залита солнцем, а предстоящая долгая жизнь казалась всего лишь продолжением этой солнечной дороги, и потому оба ленились размышлять о будущем. Все решится само собой, думал Игар, запуская руку в путаницу из травы и Илазиных волос. Там будет видно...

Хвалясь перед молодой женой и ища применение собственным буйным силам, он прямо по дороге продемонстрировал Илазе несколько прыжков Отца-Разбивателя – «высоких» и «низких», боевых и тренировочных. Никогда в стенах Гнезда ему не удавалось добиться такой легкости и плавности, какие сами собой пришли к нему среди залитого солнцем леса; он жалел, что с ним нет никакого снаряжения – хотя бы легкого ученического «когтя», не говоря уже о

замечательных, ни разу Игаром не надеванных «крыльях»... Илаза смеялась, охала и ахала, и он видел, что она не притворяется, а действительно восхищена; в который раз обнимая ее, он подумал, что, окажись Илаза на месте Отца-Разбивателя в Гнезде – и из послушника Игара вышел бы первоклассный боец, а не слабенький, постоянно ошибающийся вечный ученик...

В полдень они долго пировали, разложив на старом пне последние припасы и то и дело соприкасаясь ладонями. Кромсая сухой хлеб, Игар думал о тонких, пропитанных вином пирожных, а белые зубы Илазы жевали, а вождельные губы двигались им в такт, и острый язычок слизывал прилипшие крошки столь волнующим движением, что Игар забывал о голоде; поймав его взгляд, Илаза улыбалась своей хмельной улыбкой – и крошки с ее губ тут же оказывались во рту у Игара, а недоеденный кусок хлеба падал в траву...

Игару казалось, что он телом ощущает нить, связывающую их навечно. Теперь они стали одним существом, и Илаза живет в нем, как дитя живет в утробе матери. И он тоже совершенно пьян, а ведь уже много дней во рту его не было ни капли вина...

А потом они устали.

Держась за руки, они медленно брели сквозь лес, припрятавший до времени свои ловушки и тайны. Солнце, сопровождавшее их весь день, опускалось за стволы. Трава под ногами поредела, под ней обнаружился песок, в котором утопали и без того натруженные ноги; длинный овраг, на который они ожидали наткнуться гораздо позже, оказался в этом месте слишком глубоким, чтобы через него перебираться. Молодожены двинулись вдоль обрыва, и сил у них оставалось только на то, чтобы обмениваться ободряющими улыбками.

– Птицы не поют, – сообщила Илаза через полчаса пути.

Игар пошутил – достаточно пошло, но Илаза не обиделась.

– Весь день чирикали... – продолжила девушка. – И солнце ведь еще не село.

Игар снова пошутил – на этот раз Илаза шлепнула его пониже спины:

– Придержи язык, если собираешься стать князем!

Он осекся. Илазины слова напомнили о неизбежном завтра. Завтра придется отрабатывать сегодняшнее счастье, доказывать, что достоин его и способен осчастливить женщину дольше, чем на одну ночь и один день...

А самое неприятное – завтра придется искупать провинность перед скитом и Святой Птицей. Птица, он знал, простит, но вот скит... перед Гнездом придется заглаживать. И он еще не знает, как.

– В замок, матери, гонца пошлем, – предположила Илаза, размышлявшая о своем. Игар отрицательно покачал головой:

– Нас притащат на аркане.

Илаза споткнулась. Раздраженно откинула волосы со лба:

– Ерунда. Мать не посмеет... Нас сочел Алтарь...

Игар молчал. Илаза и сама прекрасно знала цену своим словам споткнувшись еще раз, она тихо выругалась и замолчала тоже.

Нет, даже мать Илазы не решится оспаривать союз, заключенный на Алтаре. Однако ей ничего не стоит запытать самозванца-зятя на глазах новоиспеченной супруги и наказать тем самым обоих, потому что ослушница-дочь проживет остаток жизни во вдовьем платье и под суровым надзором каких-нибудь горных монахинь...

Илаза споткнулась снова. Как показалось Игару – на ровном месте; Илазе показалось то же самое, потому что она раздраженно обернулась, разглядывая узкую тропку:

– Я сумасшедшая, что ли... Будто нитка поперек дороги натянута. Или ноги не ходят?

Игар неожиданно для себя предположил, почему не ходят ноги и что сделать, чтобы они пошли. Илаза покраснела:

– Дурак...

Некоторое время они стояли, обнявшись, но Игар не позволил себе прежней беспечности – осторожно прижимая к себе Илазу, он внимательно изучал ветви над головой, кустарник в стороне от тропинки, темное сплетение веток на дне глубокого оврага; птиц действительно не было ни одной. Где-то в глубине леса протяжно заскрипело дерево – звук походил на зубовый скрежет.

– Игар, – шепотом попросила Илаза. – Давай остановимся. Я устала.

Он приглушенно вздохнул:

– Потерпи... Чуть-чуть. Немножко пройдем еще...

Ему не хотелось останавливаться на ночлег в месте, где по непонятным причинам не осталось ни одной птицы. Высокое облако еще ловило боком прощальный солнечный луч, а на дне оврага давно стоял поздний вечер. Игару подумалось, что ночь является в лес, выползая из оврага.

Они шли все быстрее, потому что смутная тревога овладела и Илазой тоже; овраг никак не думал мельчать и сужаться, а лезть через него в сгущающейся темноте Игару тем более не хотелось. От голода подтягивало живот – Игар с сожалением вспомнил кусок хлеба, оброненный днем на лужайке в разгар любовной игры; не надо было терять хлеб. Голод накладывался на страх надвигающейся ночи, и сочетание от этого выходило премерзкое. Он сам несколько раз спотыкался – кажется, на ровном месте. Будто веревка поперек дороги натянута – а оглянешься, нету никакой веревки, лишь примятая травка да проплешины желтого песка. Да и то разглядеть их становилось все тяжелее...

– Что это? – голос Илазы заставил его вздрогнуть.

Жена его стояла, высоко задрав голову. В кронах над ними колыхалось серое нечто, не различимое в полутьме, похожее больше всего на полотнище, вернее, на ворох полотнищ, в беспорядке развешанных торопливой хозяйкой, только хозяйка эта должна была быть ростом со столетний дуб. С каждым дуновением ветра серое нечто неприятно шевелилось так, наверное, шевелятся под водой волосы утопленника. Там, в сером шевелении, было что-то еще, Игар интуитивно чувствовал, что это обязательно следует разглядеть – но сумерки сгустились настолько, что он лишь напряженно шурил глаза, усугубляя собственное беспокойство.

– Игар... – рука Илазы впилась ему в плечо, и он осознал вдруг, что мал, слаб, шупл, одного роста с Илазой и очень боится.

– Пойдем, – голос его против ожидания не очень-то и дрожал. Нечего бояться, мало ли... Некоторые звери... Вьют себе такие гнезда. Отойдем... подальше и сделаем привал.

Он шел, чувствовал в руке ее ладонь и ухмылялся про себя: «Некоторые звери вьют такие гнезда. Надо записать».

Поздним вечером небо над лесом вдруг осветилось – это медленно падала огонь-звезда, во все времена считавшаяся хорошим знаком. Оба неотрывно смотрели на желтую, как лютик, искру, пока Илаза наконец не спохватилась:

– А желания?! Ты успел загадать?..

Игар усмехнулся многозначительно и хитро:

– У меня теперь на всю жизнь одно только и осталось... Одно желание... Сказать, какое?..

Илаза – хоть не невеста уже, а жена – не выдержала и счастливо покраснела. Впрочем, ожидания ее были обмануты, потому что ночью им не пришлось заниматься любовью.

Сначала к ним на огонек заглянул одинокий волк – оба почти не успели его разглядеть и оба похолодели от ужаса. Не потому, что волк чем-то по-настоящему угрожал им – просто в кровь и плоть обоим въелся животный страх зимних ночей, страх, благодаря которому их предки сумели оставить достаточное число потомков. Волк ушел прежде, чем Игар опомнился и потянулся за горящей головешкой.

А потом, когда они успокоили, расслабились и обнялись, волк подал голос, и волосы зашевелились на Игаровой голове.

Сначала показалось, что кричит человек. Звук был невыносим предсмертный крик истязаемого существа, и раздавался он совсем неподалеку – скорее всего, за оврагом. Игар отродясь не слышал об опасностях, которые подстерегают в лесу волков и исторгают у них такие жуткие вопли – а волк тем временем кричал, и Игару почему-то вспомнилось серое полотнище в темных кронах. При чем?..

Потом волк умер. Ни Игару, ни Илазе не пришло в голову усомниться в его смерти – крик перешел в хрип и оборвался. На новобрачных обрушилась тишина, потому что в ночном лесу сделалось тихо, как зимой на кладбище.

До утра они не разнимали рук – но не более.

Тронулись в путь на рассвете – как только различимы стали древесные стволы, овраг и тропинка. Обоим хотелось как можно скорее удалиться от места гибели волка, независимо от того, кто или что его убило. Птиц по-прежнему не было – но день вступал в свои права, и с восходом солнце и Игар, и Илаза заметно повеселели.

Целый час они провели в малиннике – и хоть не насытились, но приглушили голод. Игар обрадовался, снова ощутив призыв плоти; этой ночью он не раз и не два задавал себе вопрос, можно ли от внезапного страха лишиться всех мужских желаний. Оказалось – нельзя, едва уходит страх, как желания возвращаются; он уже хотел сказать об этом Илазе но глянул на ее озабоченное лицо и прикусил язык.

Илаза повадилась оборачиваться. Часто, гораздо чаще, чем следовало: она оборачивалась на ходу, через плечо, отчего шаг ее становился неровным и неверным; на то и дело останавливалась и подолгу глядела назад, туда, где пройденная ими тропинка терялась в листве.

– Что? – наконец-то спросил Игар. – Ты что-то потеряла?

Илаза проглотила слюну – он увидел, как дернулась ее шея:

– Ты... Тебе ничего не кажется?

Он тоже обернулся и посмотрел туда, куда за секунду до этого был устремлен Илазин взгляд. Тропинка была пуста; медленно выпрямлялись упругие травинки.

– Мне кажется, – медленно проговорил Игар, – что сегодня ночью мы...

Он пошутил, но Илаза не рассмеялась:

– Игар... А мы можем идти быстрее?

И они почти побежали. Илаза скоро запыхалась, рванула воротник сорочки, раскрыла его чуть не до самой груди; Игар против воли представил, как удобно и тепло запустить руку за распахнутый вырез.

– У нас будет пятеро сыновей, – сообщил он, переводя дыхание, – и дочка по имени...

Илаза споткнулась. Игар подался вперед, чтобы подхватить ее – и в этот момент край оврага под их ногами дрогнул и осел.

– Держись!!

Перед глазами Игара оказались какие-то вырванные с корнем стебли, потом такой же стебель оказался у него в правой руке – а левой он держал за пояс Илазу и вместе с ней стремительно съезжал на дно оврага. Что-то больно стукнуло его по икре; он успел весело крикнуть «Вот и переправились!», когда их спуск перешел в падение – и сразу за этим непонятным образом прекратился. Пояс Илазы выскользнул из Игаровой руки.

Некоторое время он прислушивался к собственным ощущениям. Над головой у него имелось синее небо в переплете ветвей; где-то неподалеку, внизу, мелодично журчал ручей. Он лежал на мягком – а правый рукав, видимо, за что-то зацепился, и руку неприятно тянуло вверх.

– Илаза! – позвал он как можно беззаботнее. Рядом тихонько всхлипнули. Он повернул голову.

Илаза была рядом. Илаза висела невысоко над землей, вернее, над наклонной стенкой оврага, именно висела, опутанная частой полупрозрачной сетью. Не успев ни о чем подумать, Игар кинулся к ней – его движение оказалось бесполезным, он сам тяжело заколыхался в такой же сети; правую руку невыносимо дернуло, он вскрикнул от боли и забился сильнее:

– Илаза! Руку!

Илаза попыталась протянуть руку – мелкие, хрупкие на вид волоконца не желали поддаться и рвались с неохотой. Игар изо всех сил дернулся – несколько ниточек лопнули и свернулись, как виноградные усы.

Он разозлился. Сетка казалась удивительно противной на ощупь надо будет как следует вымыться в ручье...

Сперва выбраться самому, потом вытащить Илазу. В конце концов, пережечь эти гадкие ниточки или перерезать ножом...

Он вывернул голову. Его дорожный мешок валялся далеко внизу – какой-то узловатый корень перехватил тощие Игаровы пожитки, не дал им скатиться на дно оврага, к ручью. Он не благородный господин, чтобы носить нож на поясе... И он больше не послушник, чтобы носить на поясе знаменитый «коготь». Теперешний его нож – не оружие, а орудие, и место ему – в мешке...

Он плюнул. Плевков пролетел к земле и шлепнулся в палую листву.

– Ига-ар... Вытащи меня, мне... мерзко...

Действительно мерзкое ощущение, подумал Игар. И не только потому, что эта сетка... Паутина, так ее... Липкая. Само ощущение мерзостное человеку не пристало болтаться над землей, как коту в мешке... Как мухе в паутине, дрянь, ну и паучок здесь побывал... Ну и паучок...

Он примерялся – и рванул паутину руками, пытаясь освободить правое плечо. Несколько ниточек снова лопнули; Игар поднатужился, рванул снова, так что больно сделалось мышцам. Правая рука почти освободилась; ободренный, он рванул снова, и снова, и снова...

Он не сразу понял, что выбивается из сил понапрасну. Полупрозрачные ниточки не то срастались, не то постоянно множились; освободив одну руку, Игар сильнее запутывал другую, и все труднее становилось вертеть головой. Стиснув зубы, он решил раскачаться, как маятник, и дотянуться до ближайшей ветки; за весь день это было самое неудачное его решение. Он понял это уже на полпути.

Проклятая сетка множилась от движения. Чем больше Игар раскачивался – тем плотнее его спеленывали тысячи и тысячи почти невидимых нитей, образуя вокруг него плотный серый кокон. Оторвав взгляд от вожаемой ветки и случайно глянув на себя, Игар испугался и закричал.

Его раскачивания превратились в панические метания. Он бился в паутине, а паутина опутывала его все сильнее, но у него не хватало здравого смысла осознать это – захлестнутый паникой, он превратился в орущий кусок мяса. За несколько минут истерики он запутался так, что с трудом мог дышать.

Потом он обессилел, а паутина все еще дергалась; сглотнув слюну с привкусом железа, он замолчал и понял, что крик продолжается – Илаза, охваченная таким же ужасом, угодила в ту же западню, теперь она кричит и бьется, и запутывается все сильнее...

Серое полотнище в кронах высоких деревьев, предсмертный крик волка...

Илаза больше не кричала – плакала. Игар, развернутый лицом к небу, не мог ее видеть. В просветы между ветвями проглядывало синее, ослепительное, беззаботное небо.

– Илаза, – сказал он как можно спокойнее. – Не плачь. Мы сейчас выберемся. Слышишь?

Она длинно всхлипнула – и замолчала.

– Вот так, – сказал он, пытаясь плечом вытереть мокрое лицо. Сейчас мы... – голос подвел его и нехорошо дрогнул. Илаза услышала – и расплакалась снова.

Игар молчал, глядел в небо и кусал губы. Никто и никогда не рассказывал про такое... Никто и никогда, ни в одной сказке, ни в одной истории... Может быть, потому... что некому было рассказывать? Кто *это* видел – не возвращался? Если такова паутина – то каков же...

– Мы сейчас выберемся, – сказал он жестко. – Илаза, у тебя хоть шпилька есть?

А что шпилька, подумал он запоздало. Что здесь сделаешь шпилькой... Даже... Может быть, эта дрянь и ножом не режется...

– Я... Не достать, – с трудом овладев голосом, отозвалась Илаза. – У меня руки... связаны...

– А огнива нет у тебя?

– Откуда... И все равно... Не достала бы...

А если зубами, подумал Игар с внезапной решимостью. Дотянулся ртом до ближайшей паутинки, сжал зубы... Отвратительно. Мерзко и гадко, но если перекусить...

Паутинка прошла между зубами, чуть не порезав ему язык. Он выплюнул ее и тоже заплакал – беззвучно, чтобы Илаза не слышала.

– Игар, – хрипло проговорила его жена. – Игар... Давай звать на помощь.

Он сглотнул. Как же, услышат тут... Но...

Воображение тут же подбросило ему охотника – настоящего охотника с зазубренным ножом, с огнивом, с веревкой, вот он разрезает проклятую паутину, и Игар умывается в ручье...

– Давай, – сказал он почти весело. – Стыда-то не оберемся! Вид у нас, наверное... Как у недобылупленных мотыльков...

Илаза не усмехнулась. Игар набрал воздуха – насколько позволяла стянутая паутиной грудь – и закричал неожиданно тонко, по мальчишески:

– Е-ге-гей! Сюда! Сюда-уда!

– Помогите! – закричала следом Илаза, но звонкий ее голосок звучал теперь надтреснуто, глухо. – Помогите!

Ветер качнул видимую Игаром ветку – и все. Тишина.

Они кричали истово, срывая голоса – и наконец Игар с удивлением обнаружил, что не может выдавить из себя ни звука, горло отказалось подчиняться, из него вырывался только жалкий хрип.

Некоторое время прошло в молчании. Игар глядел в перечеркнутое ветвями небо – и не думал ни о чем. Немилосердно саднило горло; потом явилась первая мысль: если кто-нибудь и услышал, он уже, наверное, не придет...

– Игар, – донеслось до него почти беззвучное, с болезненным свистом. – Ты знаешь, что это?

Паутина, хотел сказать он, но сорванное горло его не послушалось.

– Это... Мы в паутине, как мошки. А потом придет паук.

Он был рад, что Илаза не видит его лица. Его лицо не было сейчас лицом героя и вообще мужчины – мальчишка, баба, расклеился...

– Пауки, Игар... Они высасывают. Заживо.

Игар знал, что должен что-то сказать. Должен помочь девушке, доверившей ему свою жизнь, должен... хоть и со связанными руками.

– Ты самая... – выдавил он. – Очаровательная... мушка из всех, летающих на свете. Паук пленится тобой... Он скажет: убирайся, Игар, такие девочки не для тебя... А я скажу: хрен тебе, осьминогий! Хочешь – лови себе паучиху и давай... на Алтарь...

Упоминание об Алтаре показалось неуместным; Игар замолчал.

– Я чувствовала, – прошептала Илаза. – Там... на дороге... Что-то такое... И тот волк...

Игар беспокойно заворочался в паутине. Не надо о волке. Мы не волки, мы...

– Перестань, – бросил он почти сердито. – Мы не мухи. Я этих пауков знаешь сколько задавил? За свою жизнь?

– Пауков убивать нельзя, – глухо сказала Илаза. – Плохая примета.

– Хрен! – голос Игара снова сорвался.

– Помолчи теперь, – сказала Илаза еще глуше. – Давай попробуем... поспать... И помолись своей Святой Птице...

* * *

...Девочка стояла на вершине холма, и глаза ее казались черными от непомерно расширенных зрачков.

Давно знакомый лес ожил. Деревья обернулись железными людьми; сверху они казались маленькими, как Аниса, но Аниса тряпичная и мягкая, а люди, которых все выплескивал и выплескивал лес, даже издали были страшными. Может, это и не люди вовсе. Так много людей не бывает на свете...

Страшные люди прибывали и прибывали, а те, кто вышел из леса первым, стояли теперь плечо к плечу, так ровно и в таком порядке, как настоящие люди никогда не смогут построиться. Железная стена медленно двинулась вперед, и дрожащей девочке почудилось стальное чудовище, занявшее собой всю опушку, вывалившееся красно-зеленый язык – флажок на длинной и тонкой мачте...

Они растопчут ее Анису!!

Босые ноги бесстрашно прорвались сквозь заросли крапивы. Зеленая земля неслась вперед неровными скачками; покосившийся шалаш выскочил чуть в стороне, ей пришлось затормозить, стирая пятки, и резко повернуть. Влажное сено пахло густо и приторно, клочья летели во все стороны, она до смерти испугалась, что Анисы нету – когда ободранные до крови пальцы наткнулись на безвольную тряпичную ногу.

Она прижала Анису к себе. Крепко-крепко, до слез. Стоило сбегать от родичей, стоило преодолевать страх и сбивать ноги, она не бросит Анису, никогда, ни за что...

Вдали ударил барабан. Отозвался другой – совсем рядом, девочка дернулась и подскочила.

От холма, от того места, где она недавно влетела в крапиву, медленно двигалась железная стена. Слишком медленно девочка видела, как одновременно поднимаются тяжелые ноги, много-много ног, как, повисев в воздухе, они грузно ударяют в траву – и содрогается земля... и глубоко в нее вдавливаются стебли и цветы. Бухх... Бухх... Бухх...

Несколько секунд девочка смотрела, полураскрыв рот, распахнув снова почерневшие, без слезинки, глаза; потом бездумно, как зверек, кинулась прочь.

Рокотали барабаны. Аниса билась за пазухой, как совсем живая. Скачками неслась навстречу зеленая земля; потом трава сделалась высокой, выше девочкиной головы, и каждый стебелек целился в круглое, тусклое, обложенное дымом солнце, которое как угнездилося в самом центре неба, так и не желало сходить с места.

Потом трава вдруг расступилась, и девочка, по инерции пробежав несколько шагов, упала на четвереньки.

Навстречу ей пёрла другая стена – и тоже железная. Пятясь, девочка успела рассмотреть, что страшные люди идут плечо к плечу, а вместо лиц у них стальные кастрюли и потому глаз нету вовсе. Железные ноги поднимались и падали в такт барабану – девочка в жизни не видела ничего ужаснее, чем эти ритмично бухающие ноги: бухх... бухх... бухх...

Поначалу ей показалось, что если схорониться в траве, если покрепче заткнуть уши и зажмурить глаза, то напасть минует ее, обойдет; она припала к земле, изо всех сил прижимая к себе Анису – но земля дрожала. Содрогалась. Бухх. Бухх. Бухх.

Железная стена была совсем близко. Ветер принес ее запах – резкий, кислый, тошнотворный; девочка закричала и, не помня себя, кинулась прочь.

Барабаны торжественно гремели, заглушая ее тонкий, срывающийся от ужаса голос. Аниса за пазухой прыгала, будто пытаясь вырваться и тоже бежать, бежать куда глаза глядят...

...Огромная, невыносимо огромная железная нога занеслась, и девочке показалось, будто она закрывает солнце. Назад!!

Все было как во сне, когда как не старайся, а не сойдешь с места; несколько долгих мгновений она пыталась бежать, но земля изловчилась и поддела ее невесть откуда взявшимся крючковатым корнем. Беззвучно разевая рот, девочка упала животом в траву, придавив собой Анису. Бухх! Бухх! Бухх! – нарастало сзади. Бухх! Бухх!!

– Мама! Ма-ама!!

Трава покорно ложилась ниц. Сжимались, как челюсти, две железных фаланги. Барабаны взревели – и стена, выросшая навстречу бегущей девочке, вдруг ошетибилась остриями. Короткие лезвия мечей окрасились тусклым солнечным светом; хватая воздух ртом, девочка обернулась – та, другая, догонявшая ее стена ошетибилась тоже. Беспощадно, ни на миг не сбиваясь с ритма, падали на землю ноги. Бухх! Бухх! Бухх!

– Ма-а...

Колени ее подкосились, и небо сделалось черным. Справа и слева вставали над верхушками трав безглазые, безучастные лица.

Бухх!! Бух!!

– Ма...мочка...

Пронзительный визг. Не визг – истеричное ржание. Она подняла голову и увидела, как между смыкающимися челюстями летит, почти не касаясь земли, белый конь с тонкими, как паутинки, ногами. Стальные зубы сжимались все плотнее, грозя раздавить и его тоже, и единственная дорога, по которой еще мог нестись конь, пролегала через ее, девочки, склоненную голову.

– Ма...

Снова злобный конский визг. Копыта перед лицом и...

Земля дернулась и ухнула вниз. В последний раз занеслась и упала обутая железом нога. В лицо ударил ветер, затрещало ветхое платьице, больно сделалось груди, и с каждым ударом копыт все больше; она зажмурилась, ожидая, пока копыта растопчут ее всю, совсем, в лепешку – но копыта били внизу, под ней, а она летела, и где-то в стороне зазвенела сталь и кто-то закричал тонко и хрипло, и кричал долго, долго, долго...

Потом она потеряла сознание.

...Темный щербатый стол помнил и свадебные застолья, и тяжесть открытого гроба. Теперь на столе лежал почти новая, любовно тканая и не менее тщательно вышитая скатерть. Под свечку поставили глиняный круг – чтобы жир, стекая, не портил красоту.

Девочка смотрела на язычок огня. Язычок почему-то плавал в туманном ореоле – в последнее время такое помутнение случалось с ней нередко. Бывало даже, что под утро она просыпалась на мокром, и мать тогда угрюмо поджимала уголки губ – но бабка-травница сказала, что все пройдет. Хвала Небу, в живых осталась – радуйтесь...

Девочка не слышала, что говорил отец. Он говорил торжественно и длинно, девочка разбирала только то и дело повторяющееся «благодарствие»; потом заговорил *он*, и девочка слышала все, от слова до слова.

– У судьбы длинные руки, – говорил *он*. – Так ей угодно было, что я спас вашу дочь от верной смерти. Не важно, кто я, не важно, каков мой чин и кому я служу – судьба сказала свое слово, теперь мы связаны крепче, чем мать и дитя. Я не прошу у вас награды – но следовать судьбе обязан. Жизнь этой девочки теперь моя; отдайте ее мне, я буду беречь ее, как дочь, а когда она вырастет – женюсь на ней. Так будет.

Девочка смотрела на пламя свечи. Все, что было сказано после, не сохранилось в ее памяти; перебивали друг друга мать и отец, а девочка думала об Анисе. О кукле Анисе, которая осталась на поле боя.

* * *

...Плотный кокон из серой липкой паутины располагает к самым искренним молитвам.

Игар попал в скит семи лет от роду – и Отец-Дознатель долго держал его за подбородок, не давая отвести взгляд и не сводя своего тяжелого взгляда. Потом вполголоса сказал Отцу-Вышестоятелю: «Крученный. Но – может быть».

Сперва его научили скоблить дощатый пол и выносить помои, потом прислуживать за столом; его учили слушать старших, как подобает птенцу, и что «дабат» означает «да будет так», и если сказано «дабат», значит, ничего изменить нельзя... Спустя месяц он впервые увидел Святую Птицу – и наконец-то понял, поверил, что останется здесь навеки. Святая Птица смотрела в Игарову душу, как и Отец-Дознатель – но если взгляд Дознателя тяжело вламывался в святая святых, проникая в тайны и не оставляя лазеек, то Птица просто все принимала, как есть. Принимала, понимала и сочувствовала, и будто говорила – утешься, птенец...

Он умел молиться горячо, как никто другой – Отец-Служитель пленился этой его преданностью и приблизил к себе. Игар успел привязаться к нему, такому мягкому и добросердечному, когда в один из дней Отец-Служитель позвал мальчика в спальню, дабы тот помог ему облачиться в ночную сорочку.

О дальнейшем Игар вспоминал, покрываясь холодным потом. Он вылетел из спальни, дрожа как осиновый лист, и навсегда лишился благоволения Отца-Служителя...

...Одна лишь Святая Птица утешала его всегда и во всем. Ее золотая голова была склонена к правому плечу, и в темных глазах отражались огоньки ритуальных свечей; Игар изо всех сил хотел стать хорошим послушником, однако норов его...

...Святая Птица, помоги нам. Я предал тебя, обратившись к Алтарю; я снял с себя храмовый знак, ты вправе отвернуться от меня – умоляю, спаси нас. Все, что я делал, я делал из одной только... Илаза, она...

Солнце проглянуло сквозь путаницу ветвей и обожгло его щеку болезненным поцелуем. Илаза... Этот запах, волосы, вплетенные в траву, под бархатными губами – зубы, белые, как фарфор... Кукла с фарфоровой головой... Откуда – кукла? Илаза живет в нем... Она – его, и как обидно, если... Нет, Святая Птица, это невозможно... Мы прошли мимо стольких смертей... Спаси...

Однажды Отец-Дознатель взял его с собой в Замок... который оказался не замком вовсе, а просто большим добротным домом за высокой каменной оградой. У ворот стоял приземистый парень с неприятным тягучим взглядом, стоял и чертил по песку кончиком обнаженной сабли. Встретившись с ним глазами, Игар сразу вспомнил все, что приходилось слышать о хозяйке Замка, а говорили о ней неохотно и шепотом; парень пропустил Отца-Дознателя вместе с юным послушником, ему велено было впустить. Отца-Дознателя ждали, чтобы вынуть из петли старшую княгинину дочку, красавицу Аду, которая соорудила в собственном будуаре виселицу и умерла раньше, чем сестра ее, Илаза, явилась с пожеланием доброго утра.

Тогда Игар и увидел свою будущую жену впервые.

Илаза не плакала. Она вполне серьезно собралась вслед за сестрой – потому что «все равно как в могиле, так хоть не заживо».

Впрочем, обширный дом не показался Игару похожим на могилу. Он понял, о чем говорила Илаза, только когда увидел хозяйку – затянутую в черный бархат владычицу-княгиню, чью красоту портил резко очерченный, обрамленный глубокими складками рот. Игара особенно поразила ее спина, перетянутая глубокой поперечной складкой; столь странный рельеф придавал княгине сходство с туго перевязанным мешком. Игару сделалось смешно; его всегда разбирал смех именно в те моменты, когда смеяться было ни в коем случае нельзя. Он тотчас же низко понурил голову, чтобы спрятать лицо.

Ада покончила с собой, потому что накануне завершился ее мучительно долгий роман с неким обедневшим рыцарем, вечным женихом, которого ее мать то привечала, то изгоняла в приступе непонятого раздражения. Уже назначенная свадьба то переносилась, то отменялась вовсе, то назначалась вновь; Ада призывала возлюбленного на тайные свидания, а целый сонм содержащихся в доме старых дев болезненно подглядывал и подслушивал, и среди этих несчастных, закосневших в своем девичестве, полным-полно было платных шпионов. Единственным другом несчастливой невесте была ее младшая сестра – она же и оказалась невольной виновницей трагедии. Застав Илазу мило беседующей с каким-то красивым служкой, княгиня взбеленилась; парнишку прогнали со двора плетьюми, но ярость княгини к тому времени полностью вырвалась из-под контроля разума, и не в добрый час явившийся Адин жених нашел жуткую смерть от своры свирепых, специально науськанных княгининых псов...

Илаза не плакала. У Игара хватило наглости уже в ту первую встречу поклясться, что он вырвет ее из Замка и сделает своей женой; у Илазы хватило здравого смысла не жаловаться матери на дерзкого послушника, а Отец-Дознаватель слишком озабочен был своей миссией, чтобы обращать внимание на мечтательное выражение в Игаровых глазах. Святая Птица, он хотел стать хорошим послушником, но нрав его...

Тело мучительно затекло. Он не чувствовал своих ног, а о существовании рук напоминали редкие болезненные покалывания; губы раздулись, как мыльные пузыри. В ватной тишине бесконечно долгого дня беззаботно звенел ручей – его песня была худшей из возможных пыток; потом к ней прибавилось басовитое гудение – над лицом Игара кружила пара слепней, он то и дело мучительно дергался, но кровососы становились все наглее. Пить...

– Пить... – тихонько прохрипела Илаза, и Игар не узнал ее голоса. Неужели и она вот так же не чувствует тела и пытается облизнуть губы липким, в тягучей слюне языком?!

От раскаяния он снова едва не заплакал. Клялся, что отведет все беды – какова же цена его клятвам?! Обещал быть ей опорой и защитой и обманул на другой же день после свадьбы, не уберег, обрек на мучительную смерть, потому что...

Он рванулся сильнее, и слепни, удивленные, отлетели чуть дальше, чем обычно. Сколько еще ждать?! Паук ли, смерть ли от жажды... Уж неизвестно, что хуже...

– Илаза, – сказал он, но не услышал своего голоса. Попытался прочистить горло; сглотнул слюну, которой уже не было. – Илаза... Давай играть, будто мы на свадьбе. Будто столы накрыты... Ты кого пригласила?

Некоторое время было тихо, только ветер сухо шелестел листвой.

– А... зачем? – спросила Илаза глухо.

Солнце низко, подумал Игар. Скоро и вовсе...

– Илаза! Не молчи. Скажи что-нибудь.

Не то вздох, не то стон.

– Илаза... А почему... У княгини такая... такая вмятина на спине, будто ложбина? Как от веревки?

– Дурак.

– Нет, ты скажи!

– Она не носит корсетов.

Игар закрыл глаза. Сто раз повторил про себя «корсет, корсет, корсет»... Слово потеряло смысл. Просто череда звуков.

– Ну и что?

– Она носит... Другое белье.

– Ну и...

Илаза всхлипнула:

– Пить. Я хочу пить.

– Не плачь, – сказал Игар беспомощно.

И снова тишина. В прорехах между ветвями висело одинокое облако такое же белое и рыхлое, как вчера. Один бок его показался Игару чуть золотистым. Чуть-чуть.

Вечер наползает из оврага...

Он всего лишь на секунду закрыл глаза – и увидел теленка со свежим тавром на боку, красным тавром, болезненной раной; в следующую секунду небо в переплете ветвей оказалось уже не синим, а фиолетовым, а листья на ветках сделались черными. Место облака заняла тусклая, едва народившаяся звезда.

Он испугался, в мгновение ока вспомнив все, заново ощутив и сухой воспаленный рот, и мертвое затекшее тело, и страх за Илазу. Святая Птица не спустится с неба, не придет на помощь, как приходила к давним и праведным предкам; он, Игар, отступник, потому что, вверясь Алтарю, снял храмовый знак; он же болтун и предатель, потому что втянул Илазу в...

Паутина чуть дрогнула.

Не так дрогнула, как обычно, когда пыталась пошевелиться Илаза. Паутина дрогнула иначе, по-новому, и от этого движения Игарово сердце подпрыгнуло к самому горлу.

– Илаза... Ила...

Он услышал ее вздох, похожий на всхлип.

– Илаза... Я... спал?

– Тише. Пожалуйста, молчи.

– Мне показалось, что...

– Молчи! – простонала Илаза. – Ты... чувствуешь...

Паутина дрогнула снова – теперь вполне ощутимо; Игар еле сдержал крик.

– Он здесь, – почти спокойно сказала Илаза. – Давно здесь. Он ждет.

Днем Игару казалось, что силы его иссякли раз и навсегда – однако новое сотрясение паутины превратило его в комок из нервов и мышц.

– Эй, ты! – выкрикнул он, выгибаясь дугой. – Эй... Ты...кто здесь, а?!

– Пре...крати, – голос Илазы наконец-то перестал ей повиноваться. – Игар... Я боюсь... Я не...хочу... Я не хочу, не надо, нет!!

В этот момент Игар согласился бы умереть дважды. Не важно, каким способом – лишь бы оставили в покое Илазу.

– Оставь ее в покое! – закричал он, из всех сил пытаясь высвободить затекшие руки. – Тварь!

Это смешно, подумал он в следующую секунду. Все равно что уговаривать голодного волка... Ах, как кричал тот бедный волк... Как кричал...

Теперь паутина мерно, через определенные промежутки времени, вздрагивала – и вздрагивала все сильнее. Игар до отказа вывернул шею, пытаясь увидеть Илазу – вместо Илазы по краю его зрения проскользнула темная, не имеющая формы тень. Показалось?!

Он вглядывался в темную путаницу ветвей, пока не заслезились глаза. Показалось? Страх? Что это было?

Паутина качнулась. Хрипло вскрикнула Илаза; Игар забился, как настоящая муха, так что жгуты из паутинок врезались ему в кожу:

– Илаза! Не давайся! Говори со мной! Я умру за тебя! Говори! Пусть меня жрет, я люблю тебя, больше жизни люблю! Не давайся!

Стон.

Он закричал, как кричал прошлой ночью волк. Сорванного голоса хватило ненадолго; извиваясь, до крови прокусывая запекшиеся губы, он хрипел, захлебываясь ее именем, и перед глазами его металась в темноте огненные искорки – как тогда, на соломенной подстилке, когда Отец-Разбиватель впервые поставил его на голову... Все зря... Ила-аза...

– Тихо. Все. Хватит. Теперь успокойся и помолчи.

Он бредит. Это не голос Отца-Разбивателя – тот говорил тонко, с металлическим звоном, и сильно картавил... Это другой голос. Мягкий и вкрадчивый, как у...

– Илаза, – прохрипел Игар в последний раз и затих.

Паутина колыхнулась; к Игару приблизились сзади. Он кожей почувствовал присутствие за своей спиной – и разинул рот, но крика не получилось.

– Тихо. Теперь тихо. Не дергайся.

Все-таки бред. Не сам же он с собой говорит... Это не может быть голос Святой Птицы... Она спросит у Игара после смерти: почему снял храмовый знак?!

Рубаха на его спине треснула, вечерний ветер лизнул обнаженную кожу.

– Не надо... – пискнул он едва слышно.

– Не напрягайся. Расслабь мышцы. Не бойся, расслабь.

Бред.

– Не на...

Под лопатку ему вонзилось жало – во всяком случае, он решил что это жало, дернулся и замер в ожидании смерти.

Смерти не наступило. По телу разливалась теплая, расслабляющая волна.

– Спокойно.

Рывок. Половина нитей, стягивающих Игара, с отвратительным треском разошлась; он не испытал облегчения. Ноги болтались, как чулки с песком.

Потом небо с разгорающимися звездами повернулось и легло на бок. Игар схватил воздух ртом; перед его глазами оказалась твердая земля вернее, наклонная стенка оврага, укрытая шубой из прошлогодних листьев, пахнущая травой и влагой.

– Попробуй встать, – сказали у него над головой.

Он послушно попытался сесть, поднял правую руку, удивленно посмотрел на безжизненные белые пальцы, все в отвратительных ключьях паутины – и, будто ошпаренный, подскочил и завертел головой в поисках Илазы.

Ее светлое платье выделялось среди ветвей. Лица Игар не видел лишь слышал сбивчивое, натужное дыхание.

Он с трудом проглотил тягучую слюну:

– Кто... здесь... Кто?!

Шелест ветра в кронах. Неподвижная Илаза в сетях; что-то мешает. Что-то маячит в стороне, сверху, невозможно большое, бесформенное, что это, что...

Его вырвало желчью. Одна длинная болезненная судорога, пустой желудок, выворачивающийся наизнанку, все остальное парализовано ужасом, даже мысли об Илазе...

– Кто... говорит...

По краю его зрения снова скользнула тень – темнее, чем темное небо. Желудок опять подпрыгнул к горлу – Игар пережил длинный, бесплодный рвотный позыв.

– Вставай, – мягко, почти ласково повторили у него над головой. Поднимайся. Ну?

Он не мог подняться. Ноги затекли до бесчувствия; он попробовал растереть бедра – мышцы отблагодарили его судорогой, да такой, что теперь он повалился на ковер из палых листьев, шипя от боли.

– Понятно, – сказали из темноты. – Ложись лицом вниз.

– Ты кто?!

Тень колыхнулась над самой Игаровой головой, и от нее веяло таким неудержимым ужасом, что он упал ничком, закрыв руками голову.

От первого же прикосновения его стало трясти, как в жестокой лихорадке. Он сжимал зубы, чтобы не надкусить язык; касались его не руки, во всяком случае не руки человека; какие-то цапалки, похожие более всего на исполинские гибкие клешни, ловко разминали его омертвевшую плоть, а он лежал, зарывшись лицом в прошлогоднее гнилье, и беззвучно скулил от боли и страха.

– Расслабься. Тихо, тихо... Теперь встань.

Он повиновался не сразу. Поднялся на четвереньки; ноги слушались его, хотя и с трудом.

– Возьми баклагу... или что у тебя там. Напой ее.

Илаза молчала. Как мог быстро он добрался до застрявшего среди корней мешка; от приличных, давно вьевшихся в пальцы движений ему чуть полегчало. Он вытащил наполовину полную – о счастье! – баклажку и неуклюже проковылял к Илазе; спеленутая серыми нитями, она висела теперь над самой землей, так что Игар, привстав на цыпочки, мог дотянуться до ее лица.

– Илаза... Все будет хорошо... Выпей...

Хорошо, что густые сумерки. Хорошо, что они не видели друг друга; Игар не хотел знать, как выглядит теперь Илаза, и не хотел показывать ей свое опухшее, в бороздках слез лицо. Она глотнула и закашлялась; потом пила долго, со стоном, и Игар со странной ревностью подумал вдруг, что там, на Алтаре, она постанывала очень похоже... Пожалуй, точно так же, только тише... А сейчас...

Баклажка опустела. Игар облизнул кровавую коросту на собственных сухих губах:

– Ты – как?..

Пауза. Чуть слышно:

– Спасибо.

– Все будет хорошо, – сказал он так ласково, как мог. – Потерпи, ладно?

Паутина содрогнулась – Илаза закачалась, как тяжелая гиря. Игар отогнал неприятное воспоминание о висельниках, медленно покачивающихся в петле. Поднял голову; паутина закрывала полнеба, и в недрах ее Игару померещился темный стукот. Нет, показалось... Теперь в другом месте, ниже... теперь...

Он резко обернулся. Бесформенная тень ускользнула из-за спины за миг до его движения.

– Освободите... – попросил он жалобно. – Кто бы вы ни были... Освободите ее...

Странный царапающий звук, похожий на тихий скрип.

– Спокойно, спокойно... Напейся теперь сам.

Игар перевернул баклажку – единственная капля упала ему на башмак. Тихий скрип повторился, и Игар с ужасом понял, что это на самом деле смех:

– Ну-ну... Девочка выпила все, не оставив мальчику и глоточка... Чем же напоить тебя? Можно ее кровью?

Игар испугался так, что пришлось судорожно сжать колени:

– Нет, нет... Нет...

Тень скользнула над его головой, на мгновение закрыв звезду.

– Ладно... Ступай к ручью... и наполни баклажку. А потом ты вернешься. Ступай.

...Две ночи назад был Алтарь. Был ли?! Как сон... Как давнее воспоминание. Будто веслом по голове. Мальчишки вытащили рыбину, саданули веслом – и удивленные глаза вылезли из орбит, а черные рыбы усы печально обвисли...

Игару казалось, что он теряет память.

Он брел в темноте, то и дело спотыкаясь, падая и съезжая вниз на собственном животе. Ручей звенел все громче; выходя на прогалины, где еще чуть-чуть подсвечивало угасающее небо, он останавливался, чтобы тупо уставиться на свою ладонь. Сгибал и разгибал пальцы, шепотом упрасывая себя: это я. Это моя рука, моя рука...

А потом он разом забыл обо всем. Ручей звенел, ручей простирался, заняв собой полмира; Игар стоял над его гладью, глядя, как дробиться на ней танцующий свет звезд.

Еще потом он впал в счастливое оцепенение. Вода стекала по его губам, и, уже напившись, он лежал лицом в ручей – бездумный и безвольный, достигнувший абсолютного совершенства, где не место желаниям, хотениям и прочей мелочной суете.

...А очнулся на бегу. Вверх по темному противоположному склону, длинными и небывало сильными прыжками, как не бегал никогда, как зверь, только что перегрызший веревку...

Отец-Разбиватель учил: выжить, выжить во что бы то ни стало, молить Птицу о жизни, благодарить Птицу за удачу... Жить. Жить!!

Он бежал, и непонятное шестое чувство помогало ему огибать стволы – иначе он расшибся бы в лепешку. Трещая ветвями, как молодой вепрь, он проломился через кусты – и увидел над головой спасительный, противоположный край оврага.

...И сказала Птица птенцам своим: каждый из вас рожден, чтобы жить, и каждый жить вправе. Дабат.

– ...И почему?

Он молчал.

– Почему же ты вернулся? Так далеко удрать... Действительно далеко. И вернуться... Зачем?

Теперь совсем темно. Так темно, что глаза можно и вовсе не открывать. Лучше зажмуриться – тогда, по крайней мере, не надо будет пялиться, таращиться, пытаться разглядеть в окружающей черноте хоть проблеск, хоть искорку.

Искорку... Огонь. Ночные твари боятся огня... все твари боятся огня, но тот, что сидит в серой паутине, тварь непонятная и непредсказуемая. Кто... Кто?! Паук, который вьет паутину на волков и говорит... как по-писаному. Как Отец-Научатель... Зачем вернулся, дурак?! Что проку, теперь они погибнут вместе, а мог бы...

Подбородок его стягивало подсохшей кровью. Там, за оврагом, он не удержался и вlepил себе оплеуху – и как, оказывается, сильно можно себя ударить. Немилосердно. Без жалости.

– Кто она тебе? Та, за которой ты вернулся?

Слух Игара обострился десятикратно. Он слышал ее дыхание; ни звука, ни шелеста, ни движения – только дыхание, сдавленное, будто Илаза пыталась удержать стон.

Игар поднял лицо к непроглядной темноте:

– Жена. Она жена мне, мы сочтались на Алтаре... И посягнувший на эти узы будет проклят.

Нет, паутина различима-таки, даже теперь. Еле видимый серый кокон...

Он поймал руку. Холодную и слабую, липкую от нитей, странно маленькую – он никогда прежде не думал, что ее рука так мала в сравнении с его ладонью... Аристократическая. Детская. И не желает отвечать на его пожатие. Да в сознании ли Илаза?!

Пальцы в его руке дрогнули. Чувствует. Ответила. Так слабо...

– Она жена мне, – сказал он сдавленно. – Мы принадлежим друг другу. И мы никому не сделали зла!..

Пальцы Илазы ослабли снова.

Темнота над его головой помолчала. Скрежетнула смешком:

– Теперь вы принадлежите мне... Алтарь не обидится. Алтарю даже угодно, чтобы судьба ваша была... одна на двоих. Забавно лишь, что пока девочка хранится здесь, мальчик ходит на привязи...

Игар вжался лицом в неподвижную Илазину ладонь. Дотянуться бы до ее губ... Но от его движения паутина напряглась, и девушка судорожно вздохнула. Так ей больно. Он боится причинить ей боль...

– Что вы будете с нами делать? – спросил он, удивляясь собственному равнодушному голосу.

– Ты не догадываешься? – удивилась темнота. – Пройдет несколько часов... Я дам вам напиток еще. Побольше воды. Вам это сейчас нужно.

– Меня, – хрипло предложил Игар. – Меня.

– Обоих.

– Нет...

Темнота усмехнулась:

– Да. Да... Алтарь одобрил бы. Одна жизнь – смерть тоже одна... Хочешь пить – напейся. Есть время.

...А ведь убежал было, ушел уже так далеко!

Проклятое тело так хочет вырваться и выжить. Отец-Разбиватель говорил – только душа хочет умирать. Тело, дай ему волю, никогда не полезет в петлю... Душа Ады, Илазиной сестры, желала обрушиться вовнутрь. Уничтожить себя... И тело проиграло. Тело качалось в спальне, не достигая босыми ногами до...

А что проку, если теперь они с Илазой они погибнут вместе?! Лучше быть вечным вдовцом, чем умереть сейчас, в восемнадцать лет... Так глупо и так... отвратительно... Как муха...

А в мешке огниво. Если пошарить в темноте... Поджечь все гнездо. Выжечь...

Развести огонь. Но... Время. Этот, что в кронах, двигается со скоростью мысли...

– Игар – твое имя?

Он вдруг напрягся. Темнота изменилась; теперь в ней ощущалось близкое, отвратительно близкое соседство. Совсем рядом... Так, что лица достигает мерзкое, теплое дыхание. Святая Птица... Как это будет?.. Ожидание смерти хуже умирания, сейчас он сам попросит поскорее его прикончить... Но он не Ада. В нем слишком много жизни. Отец-Служитель сказал бы – слишком много тела и слишком мало души. Слишком много трясущегося, покрытого потом, живого тела...

– Я... меня так зовут. Я Игар... Освободите ее. Распутайте. Ей же плохо... Она не убежит!!

Илаза молчала.

– Если вы знаете о Святой Птице, – сказал Игар шепотом, – если вы... но... я заклинаю именем ее: не мучьте хотя бы девушку. Во имя Птицы!

Он думал, что священное имя придаст ему сил. Он ошибся – в этой черной, невозможной темноте имя Птицы прозвучало бессмысленно, как звон стекла о стекло.

Он замолчал. Безжизненная рука Илазы и собственное сбивчивое дыхание. Все, что оставила ему жизнь.

– Сядь, – сказала темнота.

Он не мог сесть, не выпуская руки; оставлять Илазу он не хотел.

– Ты хочешь, чтобы она жила?

В голосе темноты скользнуло нечто. Нечто, заставившее Игарово сердце на мгновение остановиться. Призрак надежды.

– Да, – прошептал он еле слышно. Да. Да. Птицей клянусь...

– Тише. Она будет жить, если ты выкупишь ее.

– Собой?! – это было первое, что пришло ему в голову.

– Ты и так мой, – голос темноты усмехнулся. – Ты ничего не стоишь, к сожалению... Но ты выкупишь ее другим человеком. Женщиной.

Он облизнул губы. Сплошная пленка подсохшей крови.

– Ты готов умереть за свою жену... Хорошо. Мне не нужно, чтобы ты умирал. Ты пойдешь к людям... Ты найдешь среди них женщину, настоящее имя которой – ТИАР. Запомни хорошенько – Ти-ар... Конечно, она может зваться и другими именами, но настоящее ее имя – это. Ей около тридцати лет... Чуть меньше. У нее темные, с медным оттенком волосы, и карие с прозеленью глаза. Ищи ее в провинции Ррок. Найди ее и приведи ко мне... Это трудно, я знаю. Ты обманешь ее, или соблазнишь, или притащишь силой – мне безразлично. Можешь даже повести ее к Алтарю... Все равно. Ты приведешь ее ко мне, и тогда, взамен, я отдам тебе твою... Илазу. Ты согласен?

Повисла пауза.

– А зачем она вам? – тихо, чуть слышно, совершенно некстати спросила Илаза. Святая Птица, Игар не узнал ее голоса. Чужой, сиплый...

– Я согласен, – сказал он яростно. – Я согласен на все. Отпустите ее.

– Сначала ты приведешь мне ту женщину.

– Но... это же...

Он тряхнул головой – и тут же закусил губу от боли. Боль понемногу затихала, пульсируя в затылке, в висках... О чем. Тиар... О чем они говорят, с кем они уговариваются... На что он только что согласился?..

– А если Тиар умерла?!

– Если она умерла – значит, вам не повезло, – холодно отозвалась темнота.

Игар всхлипнул.

Мысли его путались, он ни одной не мог довести до конца. Целый ворох рассуждений, который предстоит еще распутать, разобраться, но сейчас нету на это ни времени, ни сил. Оставить Илазу?! При одной мысли об этом его обдало морозом, он почувствовал, как трещат, поднимаясь, волосы. Илаза... Спасти. Можно. Илаза.

Оставить ее... здесь?!

– У меня... просьба, – он проглотил комок. – Можно, пойдет Илаза, а я останусь?

– Плохо, – отозвалась темнота после короткого молчания. – Ты что же, не веришь в успех... предприятия? Жаль. Придется оставить вас обоих.

– Нет, – Игара снова затрясло. – Нет, я не то хотел... Я сделаю. Ради Илазы я... хоть труп вам притащу... этой Тиар.

– Труп мне не нужен, – усмехнулась темнота. – Живая. Только живая. Живьем.

– Да, – Игар закашлялся. – Я пойду... Я прямо сейчас... Я скоро. Вы...

Он замолчал. Ночной воздух, за минуту перед тем прохладный, сделался вдруг липким, как смола, и Игар завис в нем, как муха. В который раз – как муха, подумал он горько.

Илаза прерывисто вздохнула. Игар сглотнул – и стал на колени, подняв лицо к темноте над своей головой:

– Не мучьте ее. Развяжите ее... Ну пожалуйста.

Неуловимое движение сгустка темноты. Глухой вскрик Илазы; Игар услышал, как человеческое тело мягко ложится на прелые листья у его ног. Отвратительный звук разрываемой паутины. Тишина.

Он обнял ее. Прижался щекой к мокрому, липкому, грязному лицу:

– Я... Не бойся. Только не бойся. Умой лицо, сразу станет легче. Ведь я люблю тебя... Больше жизни... А жизнь большая. Длинная... и счастливая. Мы будем... Потерпи немножко. Да? Сейчас я разотру тебя... Все хорошо.

– Не оставляй меня, – попросила она чуть слышно. Он содрогнулся:

– Я скоро... Очень скоро. Я заберу тебя.

– Не верь... Он меня... высосет. И тебя... и ту... женщину... Я не хочу... Игар...

Он почувствовал, как судорога проходит по ее телу, скручивает, выгибает бараньим рогом, как в столбняке. Он накрыл ее своим телом, пытаясь обнять:

– Илаза... Илаза, не надо!.. Посмотри на меня, я с тобой... Девочка...

И бесформенная тень, которая была чернее темноты, снова оказалась совсем рядом. По другую сторону Илазино тела. Игар невольно отпрянул.

– Нет! – взвизгнула девушка, но мышцы ее тут же обмякли. Игар в панике отыскал ее руку – пальцы сделались расслабленными и теплыми.

– Мне ни к чему душераздирающие сцены, – сказала темнота. – Успокойся, она спит.

Илаза дышала глубоко и ровно. Игар осторожно провел ладонью по ее лицу – ресницы были мокрыми.

– С ней ровно ничего не случится... Если, конечно, ты выполнишь обещание. А теперь... ты будешь слушать. Очень внимательно; от этого зависит... ты понял.

Взошел месяц. Игар слушал. Ветер тяжело покачивал спутанные ветви, играл серыми ключьями паутины – Игару показалось, что над головой у него вздыхают чьи-то серые, разорванные в ключья легкие.

– ...Повтори.

Он попытался собрать разбегающиеся мысли, обрывки воспоминаний, среди которых безнадежно затерялись те новые, спутанные знания, от которых зависела теперь Илазина жизнь.

– Повтори, ну?

– Я не помню, – признался он в ужасе. – Я не могу... сейчас...

В голове его катался, гремя и подпрыгивая, чугунный шар. Огромный тяжелый шар больно бился о кости черепа, ворочался и грохотал, и ни одной мысли, только тяжесть и боль. Я снова ее погубил, подумал Игар безучастно.

– Не двигайся.

К нему снова приблизились сзади, и уже разорванная рубашка треснула опять. Он замер, ожидая боли – и боль пришла. Будто укус слепня.

Чугунный шар обернулся мыльным пузырем и беззвучно лопнул. Тяжесть ночи отступила – теперь это была просто ночь, ясная и звездная, Игар ощутил запах трав, и рядом, на дне оврага, беззаботно пела вода.

– Спасибо, – сказал Игар одними губами.

– Ты вспомнил?

– Да...

Он медленно повторял названия дальних и ближних городов и местечек – вся провинция Ррок: большой город Турь, почитаемый, будто столица... Близлежащий городишка Требур, где спокон веков полным-полно спесивых аристократов. Устье, многолюдный порт. Далекий Важниц, прибрежная Рава... Дневер, славящийся ремеслами. Олок в предгорьях, Ремет в верховьях... И бесконечное множество сел: Мокрый Лес и Узкий Брод, Утка, Кошка, Речка... Две Сосны, Три Грача, имена зверей и птиц, лесов и озер... И – обязательно надо запомнить – Холмищи. Холмищи, далекое село...

Он твердил и перечислял приметы и повадки незнакомой женщины, которая где-то там, в ночи, спит и не ведает, что по ее душу уже отправлен гонец. Та, что своей жизнью выкупит жизнь Илазы.

– Хорошо, – из темноты снова донеслось отвратительное теплое дыхание. – Теперь посмотри на небо.

Игар поднял голову. Половина небосвода по-прежнему была скрыта серым покрывалом, зато другая, чистая, лоснилась от звезд.

– Где звезда Хота, знаешь?

Игар кивнул.

– Где?

Он поднял дрожащую руку и ткнул пальцем в желтоватую, мерцающую звездочку, примостившуюся на острие длинной безлистой ветки. Отец-Научатель любил рассказывать легенду про то, как мышь попала на небо и заявила, что теперь...

– Звезда Хота опускается за горизонт в середине осени. Времени тебе – покуда звезда не скроется. Рассказать тебе, как я поступлю с ней, с твоей любимой женой? Что я сделаю с ней, если до той поры ты не вернешься вместе с Тиар? Надо говорить, нет?

Илаза спала. Голова ее лежала у Игара на коленях.

– Пощадите ее, – попросил он хрипло. – Я вернусь, но... Она же как-то должна дожить. Ей будет холодно, голодно, страшно... А она княжна и привыкла...

– Не беспокойся, она куда более живучая, чем ты.

Игар снова поднял глаза. Звезды гасли, растворялись в светлеющих небесах; еще немного – и погаснет звезда Хота... А так хотелось посмотреть на спящую Илазу при свете утра...

– ...Кстати, Игар.

Он шел медленно, против воли ожидая опускающейся на голову сети. Оклик заставил его споткнуться.

– Надо говорить, что будет, если ты... Скажем, вернешься с бандой головорезов? Что случится с Илазой?..

Игар сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

Хорошо, что Илаза спит и не слышит этих слов.

Глава вторая

* * *

Лицо этой старухи никогда не улыбалось. Но там, в зале, где было много народу и был *он*, там лицо ее хранило хотя бы видимость доброжелательности; здесь, в маленькой душевной комнатке, старуха смотрела, как скаредный торговец:

– Сколько весен ты помнишь?

Девочка напряглась, пытаясь сосчитать; ответила неуверенно:

– Шесть... Или семь...

Глаза старухи сделались маленькими-маленькими и ушли глубоко под лысые надбровные дуги:

– Зачем ты лжешь? На вид тебе не меньше десяти...

Девочка растерялась. Почувствовала, как привычно щиплют, увлажняются глаза:

– Да... но... я помню из них только семь...

Старуха презрительно скривила темные тонкие губы:

– Ты не настолько мала, чтобы не понимать, о чем тебя спрашивают!

Девочка сдержала всхлип. Там, где она жила раньше, о возрасте спрашивали по-другому.

Путешествие не принесло ей радости; разлука с родичами огорчила меньше, чем она ожидала. Здесь, в чужом доме, даже время казалось чужим, неповоротливым, медленным; *он* говорил что-то о спокойствии и будущем счастье, но слова его проходили мимо девочки, не достигая ее ушей. А уж души не достигая тем более.

– Тебе десять весен, – медленно, будто раздумывая, проговорила старуха. – Ну-ка, разденься.

Девочка повиновалась; старуха долго осматривала и ощупывала ее тощее детское тело, и, вздрагивая от прикосновения холодных рук, девочка думала о кротах, изрывших землю за сараем. Она так мечтала когда-нибудь увидеть живого крота – но видела только мертвых. Тех, которых убили мальчишки...

– Ты созреешь еще не скоро, – сообщила старуха с ноткой разочарования. – Ты будешь учиться и играть с прочими детьми, но у тебя будет своя комната; ты должна помнить, что ты не ребенок больше – невеста, будущая жена господина и наша госпожа... Одевайся.

Она долго не могла справиться с поясом – на ее прежнем, домашнем платье пояса не было вовсе, была веревочка, затянутая узлом; старуха не помогала – просто смотрела и хмурилась. Толстый крючок не желал влезать в дырочку, новую и оттого слишком маленькую, пальцы покраснели и отказывались слушаться – но девочка, закусив губу, пробовала снова и снова, пока дверь за ее спиной не отворилась, и, еще не глядя, она почувствовала появление *его*.

Его ладони были белыми, как сахар, и загар на тыльной стороне их казался от этого еще темней. Длинные пальцы одним движением вогнали на место непослушный крючок; старуха почтительно склонила высокую седую прическу:

– Да, Аальмар...

Его рука небрежно поймала девочку за плечо, мимоходом погладила, ободряюще потрепала по голове:

– Я уезжаю.

– Уже сейчас? – удивилась старуха.

– Да... – вошедший кивнул. Девочка почувствовала, как ее лицо чуть приподнимают за подбородок:

– Малыш, пойдем? Проводишь меня?

Она посмотрела ему в глаза – и испугалась снова. Как тогда, когда он отрывал ее, ревущую, от матери... Тогда он казался ей самым страшным существом в мире...

Но эта старуха без бровей страшнее.

Девочку уже вели вниз по лестнице; из-за какой-то двери выглянуло чье-то любопытное лицо, скользнула под ногами рыжая кошка, кустик травы у крыльца, и вот уже сильные злые люди удерживают сильных злых лошадей, покачивается пустое тяжелое стремя, блестит на солнце украшение – бронзовая морда собаки на ремешке уздечки...

– Я уезжаю, – сказал *он*. – Скоро вернусь. Жди меня и будь молодцом... Ты скоро привыкнешь. Все будет хорошо.

Она поняла, что следует что-то сказать; кивнула и прошептала еле слышно:

– Да...

– Скажи мне: удачи, Аальмар. Потому что мне очень нужна удача.

– Удачи...

Она никак не могла запомнить его имя. Оно казалось ей слишком длинным, сложным и некрасивым.

– Удачи... Аальмар...

– До свидания, малыш.

Он вскочил в седло; предусмотрительная старуха отвела девочку подальше. Подальше от копыт, поднимающих пыль, от белозубых, гортанно перекликающихся людей, от хлыстов и шпор, от странных железных орудий, притороченных к седлам...

– Удачи, Аальмар! – крикнула крепкая женщина, прикрывающая глаза от яркого солнца.

– Удачи, Аальмар! – крикнул парнишка лет восемнадцати, и клич его повторили еще несколько голосов, незнакомых девочке, чужих...

Стоя под старухиными ладонями на плечах, она вдруг поняла, что уезжает единственный человек, которого она здесь знала. Более-менее знала, успела освоиться, запомнила его имя...

– ...Невеста.

Она рывком оглянулась. У крыльца, чуть поодаль от взрослых, стояли тесной группкой трое мальчишек и девчонка. Четыре пары глаз глядели со странным выражением – ей показалось, что с недобрым. Ей показалось, что они изучают ее пристрастно, презрительно, свысока; наверняка любой из них умеет застегивать пояс и без запинки ответит на вопрос «сколько ты помнишь весен».

Она обернулась, чтобы еще раз увидеть далекое облако пыли на месте уходящего отряда. Чтобы еще раз крикнуть вслед: «Удачи, Аальмар!»

Но ворота уже закрывались. Створки сомкнулись, лязгнул засов, и девочка вдруг осознала свое одиночество. Острее, чем когда-либо; острее, чем покидая родительский дом.

* * *

– ...И тем не менее сочтаться они успели. Это многое меняет, госпожа.

Из темноты глубокого кресла послышался смешок:

– Ничего это не меняет, отец мой. Это их глупость и их же беда. Для меня – не меняется ничего, нет.

Отец-Вышестоятель отвернулся от окна. Губы его изобразили скверную улыбку:

– Что ж, госпожа... Гнездо в ответе за малых падших птенцов своих, однако всякая ответственность имеет границы, нет?

Игар подавил стон. Узкие ремни впивались в запястья – он не чувствовал своих рук, вместо них была постоянная режущая боль. Временами зрение его мутилось, и вместо темной комнаты ему мерещилась серая, туго натянутая паутина.

– Да, – чуть помедлив, отозвались из кресла. – У меня нет к скиту никаких претензий. Я знаю достаточно, чтобы поступать на свое усмотрение... Скит ведь поймет?

Игар подался вперед и изо всех мысленных сил воззвал к милосердию Отца-Вышестоятеля. Ответом ему было ледяное молчание; пожалуй, слишком бесстрастное, чтобы быть искренним. Отец-Вышестоятель боялся окончательно нарушить душевное равновесие, которое за последний час уже дважды готово было поколебаться. Малый заблудший Игар и без того обошелся Гнезду слишком дорого, ибо нет ничего дороже уязвленного самолюбия. А пленец Игар ухитрился-таки уязвить; Отец-Вышестоятель молчал.

Из темноты кресла поднялась округлая белая рука; Вышестоятель церемонно кивнул и вышел, старательно не замечая забытого, выпавшего на дорогу пленца. Ступившего на путь свой по воле своей, и своей же головой за своеволие ответственного. Дабат – да будет так.

За Вышестоятелем закрылась дверь; печать отторжения оказалась столь тяжела, что Игар не выдержал и тихонько заскулил. Будь его руки свободны – он, наверное, сумел бы зажать себе рот и не выдавать себя звуком, менее всего достойным мужчины. Но руки были стянуты за спиной – и он заскулил снова, униженно и умоляюще.

Белая округлая кисть расслаблено повалилась на подлокотник. Побарабанила пальцами; потом кресло негромко скрипнуло, и сидевшая в нем женщина поднялась во весть рост. А ростом она была с Игара.

– Где ты хочешь? – спросила княгиня задумчиво, и ее глубокий голос выдал несомненный дар певички. – Здесь или в подвале?

Игар проглотил тягучую слюну. Илаза, оказывается, очень походила на мать; княгиня, пожалуй, была даже красивее. На хищном лице ее лежала печать породы, и черный бархат траурного платья как нельзя более кстати оттенял и подчеркивал траурные, слегка раскосые, изматывающие душу глаза. Да, подумал Игар. Это теща из тещ. Это воплощенная теща. Это твоя теща, дурак.

– Я дурак, – сказал он, пытаясь говорить спокойно. – Я сразу должен был... я врал. Я не прятал Илазу, я все придумал. Она... в беде. В жуткой беде, только мы с вами можем ее спасти...

Величавые губы чуть-чуть изогнулись. Княгиня хотела что-то сказать – но вместо этого отошла к стоящему на столе зеркалу и бережно поправила спадающую на висок седую прядку. Одну-единственную седую прядку во всем высоком сооружении ее прически.

Игар опустил на колени:

– Илаза... В плену у... чудовища. Я не знаю, что это... я никогда о таком не слышал... Но это... он убийца! Он угрожает ей! Я шел к вам... Я честно к вам шел, не нужно было меня хватать... Надо спасти ее, надо снаряжать отряд – немедленно, сейчас...

Нет, Илаза не так похожа на мать, как ему показалось вначале. Скверная, паршивая улыбка мгновенно испортила этот великолепный правильный рот:

– Говори, сынок... Как ты говоришь, мы уже слышали. Скоро мы услышим, как ты кричишь.

Игар сел на пятки. Голос его неприличным образом содрогнулся:

– Я... понимаю, что вы обо мне думаете. Я понимаю, что вы хотите со мной делать... Но пожалуйста, помогите сперва Илазе. Я один знаю, где она. Я один сумею довести отряд... Освободите ее – а потом делайте со мной, что хотите!..

Голос его снова дрогнул. Ему очень не хотелось, чтобы последние его слова были поняты буквально.

Княгиня шагнула вперед – колыхнулся тяжелый подол траурного платья. По ком она носит траур, угрюмо подумал Игар. По дочери, по старшей дочери, которую сама же и умолила... Но ведь больше года прошло...

Белая рука легла ему на голову. Он съезжился, не решаясь высвободиться.

– Ты ничего не знаешь, – печально сообщила княгиня. – Ни что я о тебе думаю, ни что собираюсь делать... У тебя фантазии не хватит. Ты не в состоянии вообразить, – и ее пальцы чуть поворошили его волосы, медленно поднимающиеся дыбом.

– Я же ваш зять, – прошептал он, с третьей попытки вернув себе власть над голосом. – Я же... Илаза любит меня. Илаза...

Княгиня с упорством, достойным лучшего применения, создавала а Игаровой голове некое подобие прически:

– Моя дочь очень обидела меня, сынок. Очень. Мне больно и горько. И причина этому – ты.

– Она в беде! – Игар решил наконец высвободить голову и посмотреть княгине в глаза – снизу вверх. В раскосых княгининых глазах стояли настоящие слезы:

– Да, сынок. Она в беде. В очень скверной беде – ее угораздило поступить против моей воли... Поверь, что все остальные Илазины неприятности – просто мусор, недоразумение, печальная тень этой ее главной ошибки... Понимаешь?..

Игар скорчился, не в силах оторвать взгляда от черных глаз, в которых из-под высыхающей влаги проступал желтый, нехороший огонек:

– Илазе угрожает... я знаю, что именно угрожает Илазе. Но сначала нечто куда более скверное угрожает тебе. Понимаешь, почему?

– Я виноват, – язык Игара как-то сразу сделался сухим и неповоротливым. – Я виноват, я... хорошо, я искуплю. Хорошо... Ну убейте меня, сделайте дочь вечной вдовицей... Но сейчас-то она... – княгиня смотрела на него с чуть заметной улыбкой, и от этой жуткой снисходительной улыбочки Игаром овладела вдруг отчаянная, безнадежная злость.

– Вы что, оглохли?! Вы не понимаете, что я говорю?! Он сосет кровь! Из животных и... людей тоже! Он каждую минуту может... и Илаза в его власти! И каждый миг промедления – это слезы вашей дочери! Горе и страх! Если охота кого-нибудь помучить – так поймите крысу...

Княгинина рука снова отыскала его загривок. Игар крепко зажмурился, ожидая боли; вместо этого пухлая ладонь скользнула по его лицу, пальцы нежно нащупали подбородок:

– Крыса не сделала мне ничего плохого, мальчик. Ни одна крыса в мире не досадила мне так сильно, как ты.

– Илаза умира... – выкрикнул было он, но прохладная рука зажала ему рот:

– А ты досадил мне. Илаза – просто маленькая дура... Когда женщина, – растопыренная пятерня сдвинула Игарово лицо, – когда одинокая женщина воспитывает единственную, – княгиня оттолкнула его, так что он снова плюхнулся на пятки, – единственную... дочь, она вправе рассчитывать на... хотя бы самое простое уважение. Я не говорю уж о послушании...

Теперь он смотрел в отделившуюся княгинину спину. Тугая перетяжка по-прежнему перечеркивала ее, разделяя красивую спину надвое и делая ее похожей на перетянутый веревкой мешок. «Почему вы не носите корсетов?» – хотел спросить Игар, но вместо этого только длинно, прерывисто всхлипнул.

– Моя Ада умерла, – буднично сообщила княгиня. – И я до конца дней поклялась носить траур. Тот мальчишка, погубивший ее... умер достаточно быстро. С тех пор я много мечтала, сынок. Я мечтала, что можно было бы... сделать с ним. И теперь, когда Илаза... когда она так со мной поступила, единственным утешением мне остался ты. Ты мне ответишь и за Аду тоже... Сначала, конечно, расскажешь, кто из слуг бегал с записками, кто открывал ворота... Но слуги – они слуги и есть. А ты теперь, – в голосе ее царапнула насмешка, – ты теперь – зять.

Игар молчал. Все его слава как-то слиплась, застряла под языком, подобно кислой и липкой массе. Перед ним стояла глухая каменная стена, а он пытался добиться от нее понимания, что есть сил колотясь головой.

Святая Птица, что ей говорить?! Пообещать внуков? Которые будут с радостным щебетанием... залезать на колени, покрытые вечным черным бархатом? Любовь и поддержку в старости?! Она не доживет до старости. Черный огонь, отражающийся сейчас в раскосых глазах, сожжет ее раньше, чем умножатся седые пряди в высокой прическе...

Какие внуки!.. Да жива ли еще жена его?..

– Спасите Илазу, – попросил он шепотом. – Только я могу отвести. Если вы меня убьете...

– Да кто собирается тебя убивать, – она рассеянно гляделась в зеркало. – Мне интересно, чтобы ты жил до-олго...

Белая рука резко тряхнула золотой колокольчик, и звон его оказался неожиданно хриплым, как воронье карканье.

А ведь они совсем не похожи, отрешенно подумал Игар. Мне показалось.

– Клянусь Алтарем, который сочетал нас с Илазой, что...

– Замолчи, – княгиня содрогнулась. Игару показалось, что лицо ее за последние несколько секунд сделалось еще бледнее – хоть это трудно было представить.

По-видимому, бледность княгини не была случайной; во всяком случае, округлые руки до половины выдвинули ящик стола и вытащили оттуда зеленый, как жаба, аптечный пузырек. Игар безучастно считал капли, падающие в замутившуюся жидкость – содержимое хрустального стакана, а тем временем в дверь почтительно стукнули, и вошедший оказался невысоким толстяком с пузатым саквояжем в опущенной руке.

Княгиня, морщась, опрокинула напиток в рот; Игар, снова всхлипнув, обернулся к толстяку:

– Я... меня нельзя сейчас... Я же должен отвести людей на помощь Илазе... А я вот возьму и не поведу!! Если вы хоть пальцем...

Толстяк добродушно кивнул. Глаза его, непривычно широко посаженные, казались синими, как вода.

– Судьбой Илазы распоряжаюсь я, – холодно сообщила княгиня, задвигая ящик стола. – И еще кое-чьей судьбой... И не волнуйся, – она вдруг широко усмехнулась. – Будет отряд, и ты его поведешь... Чуть позже. Несколько часов ничего не изменят, а страдающая мать вправе... хоть отчасти возместить моральные потери. Здесь, – другим тоном сказала она толстяку. – Приготовь.

Толстяк снова кивнул, и на макушке его мелькнула, как привидение, нарождающаяся плешь.

Игар сидел, скорчившись, втянув голову в плечи и боясь поднять глаза; к стыду своему, он вовсе не ощущал радости оттого, что поход на выручку Илазе все же состоится. Минуту назад он готов был ради этого вытерпеть любые муки – а теперь голубоглазый толстяк беспокоил его все больше и больше.

В наступившей тишине отчетливо лязгнул металл – тихо, деловито и неотвратимо. Игар крепко сжал колени; весь мир съезжился до размеров княгининой комнаты, и потолок опустился ниже, и времени на жизнь осталось несколько минут. Думай, бедная воспаленная голова. Думай, как вывернуться... Безвыходных положений не бывает... Святая Птица, помоги мне...

Будто в ответ на его мольбы ремешок, стягивающий запястья, в последний раз впился в тело – и ослаб. А вот это неплохо, мельком подумал Игар, торопливо растирая локти и кисти. А вот свободные руки – это уже надежда... Шанс. Отец-Разбиватель говорил, что пока хоть палец свободен – шанс остается...

Толстяк отошел, неслышно ступая, хозяйственно сматывая две половинки разрезанного ремня; саквояж его был широко раскрыт и походил на мелкое пузатое чудовище, разинувшее пасть.

– Кто открывал ворота? – негромко, как-то даже сонно поинтересовалась княгиня. – Имена слуг.

Их звали Ятерь и Тучка; имена ли, прозвища ли – но Игар в ужасе зажал себе рот опухшей ладонью. Еще мгновение – и вылетели бы... И он затрясся – не исключено, что вылетят-таки... И тогда Илаза пропала для него навсегда, потому что ее мужем не может быть подлец, лучше никакого мужа, чем трус и предатель...

– Какие имена, каких слуг!.. – завопил он истерично. – Она же ваша дочь! А он – паук... И он жрет ее! Живьем! Сейчас! Сию секунду!

Княгиня медленно опустила ресницы. Толстяк, для которого это был, по-видимому, сигнал, шагнул вперед, почему-то пряча правую руку за спиной.

– Я не знаю их имен! – Игар вскочил, привычно отмеряя расстояние до толстяка, до полуоткрытого окна, до массивного рогатого подсвечника, украшавшего собой стол. Толстяк не ждет нападения – решил, вероятно, что Игар совсем уж раскис, расклеился; потому и руки развязал, как неосторожно, как неосто...

Не закончив мысли, он прыгнул. Очень удачно прыгнул, мягко, и подсвечник оказался даже тяжелее, чем он думал, растопыренные медные рога уставились толстяку в живот.

– Я ничего не знаю! Было темно!

Крик был отвлекающим маневром; сейчас он удивит толстяка серией из трех приемов, голова-право – бедро-лево – шея-лево... Пусть только толстяк чуть-чуть приподнимет подбородок, пусть откроется...

Он шагнул по кругу, заставляя толстяка чуть повернуть голову:

– Не подходи. Изувечу. Не под...

Толстяк вытащил правую руку из-за спины. У Игара остановилось дыхание.

Там, где еще несколько минут назад была – или по крайней мере мерещилась – человеческая рука, сидело теперь громоздкое, многолапое, чешуйчатое сооружение, скорее похожее на отдельное живое существо. Обомлевший Игар различил иглы и кольца, крючья и непонятого назначения присоски – целый живодерский оркестр, изготовившийся к концерту, мастерская дознания, перчатка правды...

Секунда – он утратил бдительность. Всего лишь мгновение; спустя миг подсвечник смотрел в пустоту – толстяк беззвучно возник совершенно в другом месте. Гораздо ближе – и сбоку. То, что было на месте толстяковой руки, беспорядочно двигалось, жило обособленной жизнью.

Пальцы, держащие подсвечник, ослабели. Не до комбинаций – удержать бы свое оружие... Прости, Отец-Разбиватель, кажется, твой ученик посрамит тебя... Что-то нечисто с этим толстяком. Что-то с ним не все в порядке...

Где-то в стороне тихонько хмыкнула княгиня.

– Вы... – Игар не узнал собственного голоса. – Неужели вы никогда не любите...

Толстяк зевнул.

В следующее мгновение глаза его, ослепительно синие, оказались рядом с Игаровым лицом. Подсвечник грянулся бы на пол – если б левая рука толстяка, одетая в тонкую шелковую перчатку, не поймала его за миг до падения и не поставила бы аккуратно у Игаровых ног.

И снова где-то далеко-далеко мягко усмехнулась княгиня. Последним усилием воли Игар бросился в сторону; шелковая рука немыслимым образом оборвала его бросок, и от приторно-мягкого прикосновения ему захотелось быть покорным. Покориться и лечь.

– Ты, – глубокий голос княгини сделался бархатным, как ее траурное платье. – Ты понятия не имеешь, сынок, как это – любить...

Покорность оказалась вязкой, как смола. Синие лампы толстяковых глаз проникали до мозга костей; шелковая рука его лежала на горле, и Игар ощущал биение собственного пульса, в то время как руки сами, послушно, услужливо расстегивали рубаху.

– Послушайте... Я... Мы с Илазой... Лю...любим...

– Да, да... Ты ни о чем не имеешь понятия. И ты не стоял перед могилой, которая съела твоего... нет, не поймешь. Твой язык балаболит невесть что, и ты недостаточно искренен... Но это легко поправить, сынок.

Толстяк хмыкнул. Сложное железное сооружение, заменившее ему руку, зашевелилось, и из недр его выдвинулось нечто совершенно мерзкое. Левая, шелковая толстякова рука придерживала Игара за плечо, и прикосновение это вгоняло в паралич, лишало воли.

– Нет... Не-е-е...

– Не нравится? Не любишь?.. А вот я так живу каждый день, – голос княгини сделался усталым и бесцветным. – Потому что моя девочка умерла... из-за меня.

Толстяк печально вздохнул, и перчатка правды опустилась.

* * *

Муравей долго и бессмысленно взбирался по длинному зеленому колоску. Илаза смотрела, как у самых глаз поднимается к небу черная, перебирающая лапами точка.

Все равно. Вековая усталость. Лечь и не вставать, заснуть и не просыпаться. Она проспала ночь, проспит и день; ей ничего не нужно. Тишина и покой. Как хорошо. Взбирается по стеблю молчаливый муравей... Нет мыслей, нет желаний. Страх тоже нет – выгорел. Пусто. Спать.

Она чуть опустила веки. Вот так. Секунда – и уже вечерет, а она по-прежнему лежит на траве, в той же позе, как вчера, как позавчера... Потягивает теплую воду из Игаровой фляги. Среди бабочек и стрекоз. А перед глазами – зеленый кузнечик, трет ногами о крылья, и трещит, трещит...

Смолк. Все вокруг как-то притихло и смолкло; на девушку, лежащую ничком, упала тень – чуть более темная, чем сумерки.

– Ты жива?.. Послушай-ка, твои ноги уже давно свободны. Почему бы тебе не умыться хотя бы? Почему бы тебе не поесть?

Вкрадчивый голос прошел сквозь ее отчуждение, как нож проходит сквозь масло. Она вздрогнула – но не подняла головы. Не слушать, не понимать. Это далеко-далеко, не имеет значения...

– ...Ты слышишь? Встань. Встань!

Она завозилась. Поднялась на четвереньки; зажала глаза ладонями чтобы не увидеть случайно того, кто говорил. Ей страшно было его увидеть.

– Иди к ручью. Приведи себя в порядок.

Она пошла – как кукла. Повиновалась и пошла.

Нога подвернулась не раз и не два. Остановившись над бегущей водой, Илаза нечаянно наступила на высокую ромашку и долго, тупо смотрела на лежащий цветок.

Ромашка лежала лицом в ручье. Вода лениво омывала смятые лепестки; Илаза смотрела, не отрываясь. Ромашка напоминала ей похмельного пьяницу, добравшегося наконец до желанной влаги. Лицом в ручей...

Илаза легла на живот – потому что берець бывшее светлое платье больше не было никакой надобности – и последовала ромашкиному примеру. Волосы намокли, потянулись по воде, как водоросли; если задержать дыхание и долго-долго не поднимать головы, то можно утонуть.

Долго она не выдержала, схватила воздух и закашлялась; кашель перешел в приступ, приступ сменился рыданием – без слез и без смысла. Она каталась по траве, сшибая своим телом белые головки одуванчиков; потом притихла и расслабилась, неотрывно глядя на нового муравья, бредущего вверх по новому травяному колоску.

Снова надвигается вечер. А прошлой ночью был полусон-полубред, озноб и кошмары. Она видела себя, бредущую по комнатам собственного дома – но мебель была сдвинута с привычных мест, а в спальне – Илаза знала точно – болтается в петле мертвая Ада... И где-то

рядом ходила крыса. И самое скверное, что Илаза ни разу ее не видела, хотя крыса была совсем близко. Чуть не касалась лица своей жесткой щетинистой мордой. Это паутина...

Муравей добрался до верхушки колоска и все так же деловито двинулся вниз. Илаза устало закрыла глаза.

* * *

Несколько дней назад этот же путь показался Игару тяжким и бесконечным; оказалось, однако, что та же самая дорога она может быть столь же короче, сколь и мучительнее. Конный отряд продвигался стремительно, топча и проламываясь, оставляя за собой поваленные кусты и растоптанные травы; предводитель, насмешливый рыжий человек по имени Карен, скакал в центре, предоставляя передовым прокладывать дорогу, а замыкающим постреливать в белок. Рядом с предводителем держался щуплый, как подросток, и злющий, как оса, арбалетчик; через круп его лошади мешком был перекинут полумертвый Игар.

Упершись в овраг, отряд остановился. Не сходя с коня, Карен потрогал пленника хлыстом:

– Овраг, ворюга. Теперь куда?

Перед глазами Игара давно уже было черно от прилившей крови. В дымке, траурной, как платье княгини, нетерпеливо переступали рябые, заляпанные грязью конские ноги.

– Я ничего не вижу, – прохрипел он чуть слышно.

Повинуясь жесту Карена, двое плечистых парней сдернули Игара с лошади и посадили в траву. Карен терпеливо ждал, пока Игар справится с обморочным головокружением, похлопывал хлыстом по голенищу:

– Ну? Оклемался, ворюга?

Игар устал уверять рыжего предводителя, что он ни у кого ничего не украл. Похоже, Карен звал «ворюгами» всех более-менее провинившихся подчиненных.

Карен вот уже несколько лет считался несомненным фаворитом княгини; всем было известно, что помимо воинских обязанностей при Замке он несет еще одну, также почетную и куда более опасную службу в широченной княгининой кровати. Игар был высокого мнения о мужестве Карена: лично он, Игар, охотнее полез бы в постель к крокодилнице... Играть так долго с этим неистовым темным огнем – и ни разу не обжечься?..

– Говори. Куда теперь. Живее!

Он с трудом поднял голову. Полдень; слепящее солнце в зените, даже на дне оврага почти светло... Тот, плетущий сети, приходит ночью. Значит?..

Он взялся за виски, будто пытаясь собрать растекающуюся, как варево, память. Где это? Где, на какой стороне оврага? Сейчас... Нужно сообразить, это так просто... Сейчас...

– Если соврешь, – весело сообщил Карен, – если ты, ворюга, за нос вздумаешь водить... Перчатка-то пожалел тебя на первый раз, позволил сразу в обморок брыкнуться... Это он шуточки с тобой проделывал, но если ты не приведешь нас... – он грязно ругнулся.

Игар тупо смотрел на молоденькое, с изумрудной листвой деревцо, стоящее на самом краю оврага. У него как-то сразу опустело внутри теперь он точно знал, что не найдет Илазы. Хорошо же сочетал их Алтарь – обоим смерть, да в разлуке, да одна другой жутче!..

Он заставил себя посмотреть Карену в глаза:

– Что, если корову лупить все время, она лучше доиться будет? Вниз головой, по-вашему, проводнику сподручнее... А если ошибется так шкуру драть. А что княжна на паутинке виси...

Щуплый арбалетчик – почему-то Игар был уверен, что это именно он – пнул его сапогом в спину. Игар упал на четвереньки.

– Я ведь знаю, о чем ты, ворюга, думаешь, – со вздохом сообщил Карен. – Ты сбежать хочешь, зараза. Только это зря... – и, не меняя тона, щуплому надзирателю: – Посади его в седло. Пусть ведет.

...А лес был пронизан солнцем. Совсем как в тот день, когда они шли, не разнимая рук, и то и дело приходилось останавливаться, чтобы смять траву, чтобы целоваться, пока хватает воздуха...

...долбит далекий дятел. А больше нигде нету птиц – правильно ведешь, Игар, выходит, верно ведешь... А когда выходили со двора, оставляя за спиной притихший Замок – тогда удививший отряд приветствовали два свежих висельника на перекладине ворот, и ноги их покачивались над головами уходящих. И Игар, как ни отворачивайся, а все равно знал, кто это – Ятерь и Тучка, поверенные Илазы. Кто назвал княгине их имена? Кто, ведь он, Игар, молчал?!

...Или не молчал. Потерял сознание – и помнит только цепенящий взгляд толстяка, Перчатки Правды; почему случилось, что сразу после допроса двоих повесили?! Кто выдал?! Или княгиня догадалась сама... Или, может быть... в беспамятстве...

Ветка провела по его лицу. Раньше он отстранился бы – а теперь замер, прислушался к прикосновению, изо всех сил впитывая этот лес, этот запах хвои и запах прелых листьев, и запах грибов, которых наверняка полно сейчас под конскими копытами. Вот, у него есть несколько часов жизни. Передышка. Эти, мускулистые, откормленные, вооруженные до зубов... пес подери, да свободные же люди – но не понимают... не понимают, не видят солнца, не слышат запахов...

Он наклонился, почти касаясь лицом рыжеватой гривы. Щуплый надзиратель едет бок о бок, и у бедра его как бы невзначай пристроился арбалет. Знать бы, что пристрелит наверняка – стоило бы попробовать... Но бывалый, наверняка ученый и многоопытный стрелок, подранит, наверное...

Он выпрямился и огляделся. Ну никаких же ориентиров – справа как тянулся овраг, так и тянется, а слева... Ну зачем они ломаются, как стадо коров, зачем эти переломанные ветки, растоптанная трава?! Теперь он не найдет дороги. А тот, *этом*, который вьет паутину... Святая Птица, сделай так, чтобы он днем спал, как все ночные твари. Игар нарушил клятву, явился с бандой головорезов, а Ты, Птица, сохрани Илазу...

Карен чуть повернул голову – Игар поймал его взгляд. Рыжая голова предводителя горела на солнце, как золотой колокол; почему, почему этот человек не на его, Игара, стороне. Как объяснить ему...

– Надо тише, – сказал Игар одними губами, но Карен его услышал и вопросительно поднял бровь. – Надо тише... Он может... сотворить с Илазой что-нибудь.

Карен поднял бровь еще выше, так, что она полностью утонула в рыжих, спадающих на лоб волосах:

– Ты же говорил, что он... твоя тварь воюет только по ночам?

– Я так думаю, – признался Игар. – Но не знаю точно.

– Скверно, – уронил Карен и послал лошадь вперед.

В молчании миновали еще полчаса; лица всадников делались все скучнее и скучнее, а щуплый надзиратель приблизился к Игару вплотную, так что тягостное ощущение глядящей в спину стрелы сделалось почти осязаемым. Овраг сделался заметно уже; Игар в панике понял, что отряд заехал далеко, очень далеко от места пленения Илазы. Карен все чаще оборачивался, и прищуренные глаза его под золотыми космами не обещали проводнику ничего хорошего.

– Я ошибся, – сказал наконец Игар. – Надо в другую сторону.

Карен осадил лошадь, медленно обернулся – и Игар совершенно некстати вообразил его с княгиней в постели. Кто у них верховодит? Она, конечно. А он покоряется, как бревно. И не стыдно после этого командовать отрядом?!

– Ты рискуешь, ворюга, – шепотом сказал Карен.

Всадники откровенно разглядывали Игара – кто любопытно, кто равнодушно, кто с презрением, а кто и со злорадством. Что они знают про этого замордованного парня, скрючившегося в седле, как столетняя старуха? Что он выдал под пыткой Ятеря и Тучку?

...Он не выдавал. Если в беспамятстве – то не считается...

Карен махнул рукой, отправляя отряд по собственным следам. Солнце покинуло зенит; опустив веки, Игар ловил щекой его теплые и красные лучи.

...Как жила Илаза все эти дни? Неужели по-прежнему в липкой паутине?.. А как она жила все эти годы... Мать тиранила прежде всего тех, кого любила – Аду вот затиранила до смерти... Теперь он понимает Илазу, как никогда. И любит ее, как никогда... И спасет. И, может быть, спасенная Илаза уговорит мать... Сомнительно, но все же. Вернувшись в Замок с Илазой, Игар отсрочит встречу с Перчаткой Правды. Не совсем же княгиня рехнулась, не может она не понимать, что узы, которыми связывает Алтарь...

Воодушевленный, он оторвал глаза от стоптанной травы и посмотрел вперед. Прямо над рыжей головой Карена, прямо над гордо вскинутой, уверенной в себе головой – висела, покачиваясь, длинная серая нить.

От Игарова крика дернулись, испуганно захрипели кони и забранились всадники. Непосвященному взгляду сложно было разглядеть полупрозрачную нитку, теряющуюся в путанице ветвей; хмурый Карен долго и презрительно разглядывал возбужденного Игара, потом протянул руку в перчатке и, гадливо морщась, сильно дернул.

Нить, против ожидания, не поддавалась; Карен зло ругнулся и рванул еще. Треснула ветка, посыпались листья и мусор – с третьего Каренового усилия на голову ему свалился маленький, в осыпающихся перьях, в сетке паутины птичий трупик.

Карен долго отряхивался, брезгливо мотал головой, вытирал ладони о кожаные штаны; его люди, спешившись, долго и удивленно разглядывали неожиданную добычу. От птицы – при жизни это был, похоже, кривоклюв, а кривоклювы редко бывают размером меньше индюшки – остался обтянутый кожей скелет, и то какой-то плоский, как сухая роза между страницами книги. Мутные глаза – а голова кривоклюва прекрасно при этом сохранилась – смотрели сквозь хмурого, склонившегося над находкой Карена.

Игар почувствовал, что его разбирает смех. Проклятая натура – его смешит несмешное, и как объяснить этим злым вооруженным парням, что он не издевается, что он просто ничего не может поделать?!

– Птички, – он давился смехом. – Птички-то не поют... Как им петь... Когда их высали... насухо... досуха... Ох-ха-ха...

Потом он замолчал, будто поперхнувшись. Ему привиделась Илаза плоская и обескровленная, с мутными выпученными глазами, в сетке паутины...

Солнце склонялось к западу. Ехали молча; мрачный Карен возглавлял теперь кавалькаду, благо дорогу проламывать не нужно было – возвращались по собственной проторенной тропе. Игар смотрел на овраг; не раз и не два ему померещилась белая тень среди темных зарослей, а потом одновременно вскрикнули несколько голосов, вытянулись, указывая, несколько пальцев, и Игар тоже увидел. Длинный светлый лоскуток, нанизанный на острый древесный сук, и прямо на краю оврага. Будто Илаза бежала здесь, разрывая нижнюю юбку... или специально оставила знак. Указала, где ее искать.

Сердце Игара переместилось к горлу. Бедная девочка. Нашел-таки. И солнце уже низко...

– Здесь, – сказал он шепотом. – Да, здесь. В овраге. Здесь.

Карен командовал – резко, четко, вполголоса; Игар от души порадовался, что именно Карен отправился во главе отряда. Такому предводителю можно доверять. Четверо спустятся в овраг – двое до самого низа, двое подождут их на полпути; тем временем еще пятеро обшарят округу на предмет выявления чудовища, и по возможности пристрелят его. Прочие будут дожидаться специальной команды, их много, уверенных и опытных бойцов, и сыщиков, и сто-

рожей... Солнце еще не село, еще по крайней мере час, если надо будет, эти люди обшарят всю округу, каждую нору, каждое дупло...

В Игарову спину уперлось острое и твердое:

– Ну, – ты, – голос шуплого конвоира. – Не вздумай под шумок-то... Не знаю, кто там кровь сосет, а ты стрелу сразу заработаешь, понял?

Игар кивнул, бессмысленно улыбаясь.

Четверо бесшумно нырнули в овраг. Пятеро растворились между стволами; их лошади, привязанные, уныло переступали ногами. Игар сидел, обхватив плечи руками, пытаясь унять дрожь. Как холодно. Как холодно и как долго.

Карен стоял, картинно опершись ногой о камень; под веснушками на его лице ходили желваки. По его мнению, отправленные в овраг люди слишком долго копались.

Лошади забеспокоились. Забились, будто пытаясь оборвать поводья; из-под копыт полетели комья земли и прелые листья. Парень, оставленный за конюха, напрасно пытался остановить и унять – Карен раздраженно оглянулся.

Игару становилось все хуже и хуже. Солнце неотвратимо ползло к горизонту.

Карен снял с пояса миниатюрный рожок, похожий скорее на детскую свистульку; лес, казалось, вздрогнул от резкого призывного звука, а лошади и вовсе сошли с ума. Игар заткнул уши: если и была какая-то надежда на то, что ночная тварь спит – что ж, Каренов призыв и дикое ржание наверняка разбудили ее.

– Пр-роклятъе... – пробормотал сквозь зубы шуплый надсмотрщик. Где они там...

Ответного сигнала не было. Ни из оврага, ни из леса – только тяжелое дыхание кое-как успокоившихся лошадей да унылый скрип далекой, отжившей свое сосны.

Раздувая щеки, Карен протрубил снова. Молчание. Собравшиеся тесной кучкой люди раздраженно и растерянно переглядывались.

– Сколько можно ждать, – буркнул кто-то. Карен мотнул рыжей головой – недовольный поспешно спрятался за спины товарищей, но предводитель выловил его, ткнув пальцем в грудь:

– Ты... А с ним ты и ты. Живо. Чего увидите – сразу сигнал... И подгоните там этих... – он выругался грязно и изобретательно.

Еще трое спустились в овраг – не особенно торопясь, тщательно выбирая место, куда ставить ногу. В помощь конюху назначены были еще двое, кучка людей вокруг Карена поредела. Надзиратель стоял у Игара за спиной, поигрывая ножнами.

Солнце простреливало лес насквозь. Высокие стволы казались красными, зато земли не достигало ни лучика, и из оврага пер, напознал, разливался вечер.

Игар стиснул зубы. Не хватало еще прикусить язык.

Карен ругался теперь не переставая; оставшиеся с ним люди хмуро переглядывались, а лошадьми овладела новая волна паники – две или три из них, Игар не успел заметить, оборвали-таки поводья и убежали в лес. Надсмотрщик пожевал губами, плюнул, но не получил удовлетворения; тогда, желая выместить на ком-то обуревавшие его чувства, с размаху хлестнул Игара по щеке. Тот почти не заметил – его трясло, как в жестокой лихорадке.

Оставшиеся вокруг Карена люди в голос пререкались; один, чернявый и маленький, брызгал слюной, призывая бросить все и возвращаться. Немолодой уже наемник скалил зубы, обзывая Кареновых воинов бабами, дураками и неумехами. Сам Карен полностью утратил свое надменное величие, покраснел как рак и схватил за грудки молодого одноглазого парня, который неудачно сострил; Игар подумал, что глупее ситуации, чем та, в которую угодил Карен, и придумать трудно – командир рассылает людей с заданиями, а они проваливаются, как в вату, выказывая тем самым как бы неповиновение...

Пожилой наемник выхватил широкий клинок, демонстративно подбросил его, поймал над головой, плюнул чернявому под ноги и шагнул к оврагу. Возмущенно выкрикнул Карен – наемник плюнул и в его сторону тоже. Зашелестели, смыкаясь, кусты.

Люди разбрелись, не глядя друг на друга. Прибежал запыхавшийся конюх – Карен не стал слушать его сбивчивых объяснений и просьб, просто с разгону дал в зубы – отвел душу. Как перед тем надзиратель отвел душу на Игаре.

Простучали, удаляясь, копыта – но то не был очередной сорвавшийся с привязи конь. Кто-то из наемников малодушно дал деру... Или просто счел, что ничего интересного здесь уже не будет.

Окончательно взбеленившийся Карен раскрыл рот для гневного приказа – но дикий крик, донесшийся из оврага, помешал ему.

По голосу не разобрать было, кто кричит; затыкая уши, Игар вспомнил почему-то лицо немолодого наемника. Крик длился ровно три секунды – а потом оборвался коротким бульканьем. Будто на кричащего обрушилась скала и раздавила его в лепешку.

– С-скотина! С-скотина, ты!!

Игара грубо схватили за воротник. Он не сопротивлялся; сразу несколько рук волокли его к краю оврага:

– Ты... За-аманил! Сам туда иди! Ах, ты...

– Не отдам! – кричал надзиратель. – Я его скорее сам прирежу, живым никуда не пущу, велено мне, ясно?!

Кто-то орал в ответ. Надрывался Карен – Игар скоро перестал разбирать слова, ему будто заложило уши. Земля под ногами ухнула вниз, превратилась в крутую стенку темного уже оврага; за спиной зазвенели, скрестившись, клинки.

– Илаза, – сказал Игар шепотом. – Прости меня.

Рядом воткнулась в ствол арбалетная стрела; не раздумывая, а просто повинувшись инстинкту, Игар побежал. Вниз, туда, где можно умыться из ручья. Туда, где ждет его Илаза.

...Рука схватила его за плечо; он шарахнулся и закричал – рука повисла, покачиваясь, как ветка. Это была неопасная, совсем мертвая рука – а обладатель ее висел вниз головой, и лица Игар не разглядел. Все оно было серый, волокнистый кокон.

– Нет... – простонал Игар, пятясь.

Висевший был мужчина. Не девушка в светлом платье. В прошлогодней листве валялся бесполезный теперь арбалет.

Игар протянул руку – и не взял. Тот, в сером коконе, наверняка владел оружием лучше. Не помогло...

– Илаза! – позвал он еле слышно. – Ила... за...

...Он очень долго говорил ей «вы». Вы, княжна... Он привык. Она принимала, как должное. Между ними вечно что-то стояло – заборы, ажурные решетки, хлопотливые слуги, замша тонкой перчатки, стена дождя... Но вот настал день, когда, прижимаясь лицом к железной калитке – запертой калитке, и весь Замок давно спал, потому что стояла глубокая ночь – она попросила: назови меня «ты».

Снова был дождь. Пахло мокрым железом; по его щеке стекали холодные капли. В том месте, где только что лежала ее ладонь, калитка была горячей. Он коснулся ее губами – привкус металла и новое слово. Ты, Илаза... Ты...

...Он опомнился снова наверху – у края оврага.

На пяточке, вытоптанном ногами и копытами, было еще светло. Еще светло и совсем пусто; лошадей не осталось ни одной. И ни одного человека. Только обломанные ветки да измочаленная трава. И еще один арбалет валяется – кажется, тот, что всю дорогу смотрел Игару в спину. Не иначе.

Игар стоял, подняв глаза к еще розовому закатному небу. Теперь он свободен, и Перчатке Правды никогда до него не добраться... Он умрет по-другому, и, кажется, знает, как.

Еле слышный звук заставил его рывком обернуться.

Рыжая голова, кажется, светилась в полумраке. Она висела высоко, высоко от земли; руки свисали, будто набитые песком. Карен смотрел на Игара, и тот почему-то понял, что предводитель грозного отряда парализован. Жив, но не может пошевелить и пальцем. Только тихо, со стоном, выдыхать воздух.

Игар вернулся за брошенным арбалетом.

Святая Птица, единственное доброе и по-настоящему нужное дело, которое он может теперь сотворить. Хоть как-то оправдать свое гнусное и бестолковое существование...

Он долго целился, чтобы попасть наверняка. Он знал, что Карену мучительно смотреть, как он целиться – но ничего не мог поделать. А Карен не закрывал глаз. Глаза были благодарные.

Отскочившая тетива ударила по пальцам. Тело закачалось, как маятник; тонкой струйкой побежала на землю кровь. Карен все еще смотрел но глаза были уже спокойные. Безучастные.

– Ну? И зачем ты это сделал?

Холодное дыхание ночи. Желудок, стремительно прыгнувший к горлу. Здравствуй, мой ежедневный кошмар. Свиделись.

– Он мне нужен был живым... Что теперь? Хочешь на его место?

– Меня нельзя, – Игар стоял, боясь оглянуться и увидеть собеседника. – Я должен... привести Тиар.

Тихий скрип-смешок:

– Ты уже привел... И это не Тиар. А я ведь предупреждал тебя, что...

– Если хоть один волос упал с ее головы, – Игар не узнал собственного голоса, неожиданно низкого и рычащего, – я из тебя, поганая тварь...

Он обернулся. Бесформенная тень раскачивалась в кронах, и казалось, что их несколько – возникающих то там, то здесь; Игар вскинул арбалет – стрела утонула в темноте. В просвете ветвей неподвижно стояла звезда Хота.

Он опустил руки. Шелестела, проливаясь на старые листья, кровь предводителя Карена.

– Знаешь, почему ты еще жив? – звезда Хота на мгновение исчезла, закрытая невидимым во тьме существом.

– Нет, – отозвался Игар после паузы.

– Потому что...

За Игаровой спиной отчаянно хрустнули ветки.

– Я здесь! – выкрикнул плачущий голос, от которого Игарово сердце едва не лопнуло, как мыльный шарик. – Я зде...

Илаза проломилась сквозь кусты, всхлипнула, споткнулась и упала бы к Игаровым ногам – если бы в ту же секунду не напряглись невидимые нити, превратившие девушку в подобие живой марионетки.

– ...потому что теперь-то я знаю, что ты приведешь Тиар. Знаю наверняка.

Глава третья

* * *

Ее долгое безразличие прорвалось, как нарыв.

Ветви вокруг казались неестественно неподвижными. Серые полотнища паутины обвисли, отягощенные человеческими телами; Игар снова ушел, снова ее оставил, одну, в страшном одиночестве... Паутина колышется, вздрагивают в свете луны круглые, отвратительно липкие сети. Скользнул по лунному диску маленький нетопырь – и забился, изловленный навсегда и бессмысленно...

Илаза коротко всхлипнула. Там, внутри нее, поднималось горячее и злое, поднималось, как пена в закипающем котле. Сейчас подступит к горлу. Сейчас...

Она невидяще огляделась. Человек без лица, с серым коконом вместо головы, покачивался над самой землей; из-за пояса у него торчало древко. Что там на древке, Илаза не разглядела.

Мертвое тело дернулось под ее руками, муторно закачалось в паутине, желая лечь на землю, в землю, обрести, наконец, покой. Скрежетнув зубами, Илаза вырвала из-за пояса мертвеца топорик – а это был именно топорик, маленький и блестящий, и неожиданно легкий в ее руках. Два сильных, неумелых удара – и ненавистные нити лопнули, отпуская тело; мертвец рухнул, едва не придавив собой оскаленную, с топориком наперевес Илазу.

Бесформенная тень скользнула над ее головой, растворилась в темной кроне. Издевательски дернулась паутина; скрипучий смешок.

Мутное варево в Илазиной душе хлынуло через край.

Горло сдавилось судорогой. Топорик в руке оказался продолжением слепой тошнотворной силы, прущей изнутри и сносящей преграды. Рвать, рубить, кусать зубами; Илаза кидалась на сети, как зверь на прутья клетки, и во рту ее стоял кровавый металлический вкус.

Никогда в жизни ей так сильно не хотелось убивать. Сделать живое мертвым, а стремительное – недвижимым. Зрение ее раздвоилось; глаза различали мельчайшие, еле освещенные лунной детали – зато прочий мир размылся, потерял очертания, как та темная тень, что сидит сейчас у нее над головой...

Движение в кронах, чуть заметное; тень мелькнула – и замерла. Вот она. Вот...

Хруст. Летит на землю снесенная ветка; топорик бессильно вгрызается в древесную плоть – а над головой скрипуче смеются, смеются над ее бессилием, обреченностью, над беспомощностью Игара...

– Тварь!! Тварь, я убью, убью!..

Ухая, как дровосек, Илаза рубила и рубила, прорубалась, продиралась; кажется, цикада, жившая у ручья, испугалась и смолкла. А если б она и трещала по-прежнему, Илаза все равно не услышала бы, потому что кровь в ее ушах заглушала все звуки, оставляя только бешеный стук сердца: бух-бух-бух...

Пена, поднявшаяся в ее душе, проливалась наружу. Топор рвал паутину и бился о стволы; Илаза кричала и проклинала, замахивалась на мелькавшую перед ней тень, но удар ее всякий раз приходился уже в пустоту, и она задыхалась, немислимым усилием выдирая увязающий в древесине топор. Еще одна цикада проснулась совсем близко, и вдалеке отозвалась еще одна; умиротворенный, благодостный, нежный звук...

– Обернись, я здесь.

Хруст срубаемой ветки. Хриплый крик поражения.

– Не туда бьешь...

Топор не встречает сопротивления, рассекает воздух, и потому невозможно удержаться на ногах. Илаза вскочила снова, не чувствуя ни боли, ни страха. Смешок, похожий на треск... Подрубленная ветка качается, как переломанная рука...

Слезы ярости. Визг, пронзительный, как сверло. Тошнота.

Там, у ручья, песня цикады. Помрачение; в руках пусто, и с ладоней зачем-то содрали кожу. Прошлогодние листья пахнут влагой и гнилью... Темные желуди без шляпок и шляпки без желудей.

...Зеленый желудь на шпильке, нарисованные углем глаза. Ноги... Босые ноги, на шиколотке – длинная царапина... Ада играла с котенком. Ноги... не достают до пола...

...Вот кого напоминают эти мертвые тела в паутине. Висят, не достигая опоры... Как там, в спальне, на шелковом пояске...

Помрачение.

Темный мир вокруг снова сменил очертания. Тоска, глухая и липкая безнадежность.

Поражение.

Конец.

А цикады гремели – их было уже бесчисленное множество.

Как звезд.

* * *

От весны и до самых заморозков в этом парке цвели розы. Кусты зажигались один за другим, как факелы, передающие друг другу огонь; восхитительный аромат, разлегшийся на берегах маленького рукотворного озера, в меру сдабривался пряным запахом свежих коровьих лепешек. Госпожа обожала парное молоко – никому и в голову не приходило спросить, почему она не пользуется услугами обычной молочницы. Госпожа любит животных, и госпожа неповторима во всем. Если бурая корова ходит среди розовых кустов – значит, именно там и место бурой корове; говорят, кое-кто из богатых горожанок пытался следовать сей странной моде. Но, во-первых, ни у кого в округе нету столь роскошного парка, и, во-вторых, не всякий муж согласится терпеть навоз на щегольских башмачках утонченной супруги...

По глади круглого озера картинно продвигался надменный изогнутый лебедь. Из зеленоватой воды во множестве торчали рыльца неподвижно замерших лягушек.

– Есть вещи... – медленно начал КорБор, властитель округа Требура, родовитый вельможа с напряженными глазами на широком и простоватом лице, – есть вещи, в которых невозможно усомниться. Уж лучше сразу кинуться вниз головой с балкона... Есть запрещенные сомнения. Это – одно из них.

Его собеседница откинулась на спинку скамьи; темные, с каштановым отливом волосы казались шелковым капюшоном на ее плаще. Госпожа терпеть не может сложных причесок.

– Вы перепутали меня с ярмарочным предсказателем, который за деньги дает советы... Чем меньше сомнений – тем крепче сон. При чем тут я?..

Лебедь выбрался на берег и неуклюже, как утка, заковылял прочь. Корова, меланхолично двигавшая челюстями, проводила его взглядом; розовое вымя свисало чуть не до земли.

Властитель КорБор поиграл желваками:

– Я прекрасно знаю, кто именно впервые высказал... от кого... Короче, кто вдохновил свору советников на это расследование.

Его собеседница задумчиво сунула палец в рот бронзовой львиной голове, украшавшей скамейку:

– Эта, как вы выразились, свора печется прежде всего о вас... О вашей, если хотите, чести.

Властитель дернулся. Женщина поморщилась, как от боли – будто бронзовые зубы и в самом деле укусили ее за палец:

– Поверьте, вся эта история совсем не доставляет мне удовольствия. Наоборот. Мне тягостно... разбирательство в вашей семейной жизни. И я не судья... ей. А потому попрошу больше не советоваться со мной на эту тему. Ладно?

Корова шумно вздохнула и переступила ногами. КорБор отвернулся:

– Как хочешь...

Некоторое время оба внимательно наблюдали за одной, особенно крупной лягушкой, раздувавшей бока на лепестке кувшинки. Розовый куст за их спинами источал аромат, способный перекрыть запах целого коровьего стада.

– Но... – снова начал властитель, барабня пальцами по подбородку, – если я действительно... Если мне и вправду потребуется совет... которого больше никто не сможет дать?

– Никто? Даже свора советников?

КорБор нервно переплел пальцы:

– Если... если это правда...

– Это всего лишь предположение, – холодно оборвала его женщина. Правдой это станет только под грузом... доказательств.

– А... *это* можно доказать?!

Женщина встала – легко, как подросток. Лягушка, почивавшая на кувшинке, грузно плюхнулась в воду – и сразу, как камни, посыпались в озеро ее товарки с берега.

– Я не знаю, мой друг. Я не могу сказать ничего определенного... Ничего. Единственное, на что вы можете рассчитывать – понимание. Понимание и заинтересованность с моей стороны. Близится время ужина, а вы просили напомнить...

– Да. Спасибо.

Властитель поднялся, поклонился, как бы невзначай скользнул ладонью по кружевам на круглом плече – и распрощавшись таким образом, медленно направился прочь.

Женщина провожала глазами сутулую спину озабоченного КорБора, пока розовые кусты, сомкнувшись, не сокрыли ее; потом задумчиво поглядела на корову, подняла со скамейки шелковую накидку и, волоча ее по земле, неспешно направилась в другую сторону.

В одном-единственном месте сад отделялся от прочего мира не причудливым глиняным забором, а обыкновенной ажурной решеткой; проходившая мимо дорога была почти на целый человеческий рост ниже травы в саду. Решетка стояла на краю невысокого обрыва, вровень с кронами растущих внизу деревьев.

Женщина провела рукой по стальным прутьям, выкованным в форме кинжалов. Парнишка, конечно, был на месте – как и вчера и позавчера. Обыкновенный парнишка, грязный и оборванный – однако несчастная его мордашка казалась женщине куда симпатичнее, чем многие лица из ее роскошного окружения.

На что они рассчитывают?.. Приходят порой издали, стоят перед воротами, а наиболее сообразительные находят эту решетку над дорогой... И все ради того, чтобы издали, мельком взглянуть. Однажды она для смеху бросила свой платок сразу двоим – так разорвали! В ключья разодрали, ревнивцы, каждый хотел владеть реликвией сам...

Она улыбнулась. Парнишка на той стороне дороги побледнел и разинул рот; его бесстыжие глаза готовы были сожрать женщину с костями. Она звонко расхохоталась; парень шагнул было вперед – но тут же отскочил, едва не угодив под колеса проносящегося мимо экипажа; на секунду ей даже показалось, что да, угодил. Не хватало ей смертоубийства на совести...

Пыль на дороге осела. Парень стоял все там же – и смотрел. Пристально, как-то болезненно, напряженно; она удивленно подумала, что парень интересный. Есть в нем что-то... Необычность какая-то, которую даже она, ловец душ, не сразу в состоянии угадать...

Она снова усмехнулась и поманила его пальцем.

Она думала, что он подбежит, как собачка – но он подошел медленно, осторожно, будто ступая по битому стеклу.

– Как тебя зовут?

Он замешкался всего на долю секунды. Может быть, от волнения? Потом его запекшиеся губы разлепились:

– Игар...

Она насмешливо цокнула языком:

– Ты хотел соврать? Думал, говорить ли правду, а потом все-таки решился? Игар? Тебя действительно так зовут?

Он кивнул.

– А зачем тебе лгать? Ты что, беглый?

Он помотал головой – чуть ретивее, чем следовало. Она решила оставить этот вопрос на потом... Если «потом» будет.

– У меня к тебе поручение, Игар... Сделаешь?

Он облизал губы. Снова кивнул. Нет, подумала женщина, он красив-таки. Красавчик. Любимец девчонок.

Из-за ее корсета явился сложенный вчетверо листочек бумаги; парнишке полагалось алчно следить за путешествием ее руки в потайные места – но он не отрывал взгляда от ее лица. Будто спросил и ждал ответа; эту непонятность она тоже решила оставить на потом.

– Вот что, Игар... Это письмо. Ты отнесешь его по адресу, который я тебе назову... Понял?

Он кивнул.

– Тебе не интересно, почему я доверяю столь важное дело тебе? Оборвышу с улицы, которого я вижу в первый раз? Интересно, правда?

Снова кивок. На «оборвыша» такие, как он, обычно не обижаются.

– Это очень скверное поручение. Тот господин, для кого письмо, может осерчать, Игар. И хорошенько вздуть посланца. Тебя. Ну что, берешься?

Ей любопытно было следить за сменой выражений на его лице. Он кивнул, задумавшись лишь на мгновение. Или не поверил?

Она рассмеялась:

– Вижу, ты славный парень... И храбрый. Ты умеешь читать?

Он помотал головой – почти не замешкавшись; впрочем, для ее глаза «почти» не существовало. Она оборвала смех и нахмурилась:

– А вот это плохо. Зачем ты врешь?

Он сделался красным, как самая большая из ее роз. Даже глаза увлажнились – надо же!

– Я не сержусь, – она смягчила голос. – Но только врать больше не надо... Письмо не читай. Отнесешь – приходи сюда же и жди. Если сделаешь все, как велено... Подумаем о награде. Понял?

Он выслушал адрес и отступил, судорожно сжимая заветный листок. Она помахала ему рукой – и с чистой совестью возвратилась в общество коровы.

Он пришел на закате. После ужина женщина без особой надежды подошла к решетке – и увидела его, стоящего на прежнем месте. Он поднял голову, и она разглядела на его лице темный кровоподтек.

Не долю секунды ей сделалось неуютно. Нельзя сказать, чтобы она почувствовала себя виноватой – просто неловко, неудобно, непривычно на сердце. К счастью, странное чувство почти сразу и прошло; она поманила юношу пальцем.

Его походка чуть изменилась. Он шел как-то боком, горбясь и подволакивая ногу. Подошел и остановился под решеткой, глядя не женщину снизу вверх. Глаза были серые.

– Отнес?

Кивок.

– Вижу, благородный господин прочел послание?

Снова кивок.

– А ты? Прочел?

Пауза. Она перестала видеть его глаза – теперь перед ней была пышная шапка спутанных русых волос. Длинное молчание; наконец, обреченный кивок.

Она рассмеялась:

– Ну, молодец! Ты прочел, знал, что написано – и все равно понес?

Плечи парня поднялись – и опали.

– Умница, что не соврал, – сказала она мягко. – Иди к воротам – я велю, чтобы тебя выпустили.

Он поднял глаза, и она даже удивилась.

Сумасшедшей радости в его глазах.

«Она среднего роста. У нее темные с медным отливом волосы и карие с прозеленью глаза. Скорее всего, она изменила имя... Она умеет читать и писать, у нее, возможно, утонченные манеры – но происходит из простонародья. Она умна...»

«Но сколько их! Сколько их, таких женщин! Цвет волос и глаз, измененное имя... Мне никогда не найти ее по этим приметам!...»

«Я не сказал тебе всего. Под правой лопаткой у нее родимое пятно в виде ромба... Но главное – она не такая, как все. Где бы она ни была – она выделится. Ищи; ты найдешь ее, как в темноте находят маяк.»

* * *

Дом поднимался рано, на заре; в сумерках дом погружался в тишину, и за нарушение ночного спокойствия полагалась кара. Дом жил по особому строгому распорядку; девочке казалось, что каминны вздыхают, ставни бормочут, а с фасада смотрит окнами бесстрастное, похожее на стрекозину морду лицо, и порог – его опущенная челюсть.

Она скоро научилась застегивать пояс, попадая крючком в дырочку – со временем дырочка сделалась больше и удобнее. Здесь ее не заставляли, как прежде, убирать в курятнике или носить дрова; здесь было много свободного времени, но девочка не знала, как его занять. Другие дети – а все они находились друг с другом в ближнем или дальнем родстве – тщательно ее избегали.

В доме верховодила безбровая старуха; люди ее замкнутого, строгого мира делились на родичей и слуг. Единственным человеком, не относящимся ни к тем ни к другим, оказался деревенский учитель, раз в два дня собирающий детей в большой комнате, за столом.

Мальчики, приходившиеся друг другу двоюродными братьями, уже умели читать; девочка, которую звали Лиль и которая почему-то приходилась им племянницей, на уроки не ходила – женщинам грамота ни к чему. В родном девочкином селе читать не умели и многие мужчины тоже; к ее удивлению, старуха привела ее в классную комнату, и учитель вручил ей потрепанную азбуку. Оказывается, он высказал желание видеть свою жену грамотной и воспитанной; в первый раз усевшись за длинный стол и тупо глядя на черные закорючки под блеклыми картинками, девочка тщательно пристроила в голове прерывистую цепочку: он– Аальмар... Аальмар – он...

Учитель понравился ей; он похож был на соседа, жившего забор к забору с ее родичами в той, далекой, прошлой жизни. Веселый и громогласный, как и тот сосед, он так же посто-

янно грыз соломинку; она то выглядывала из его рта, то пряталась снова, как белка в дупло, и девочке нравилось наблюдать за этой игрой.

Впрочем, у учителя было одно нехорошее свойство, которое разом перечеркивало все его достоинства. Он не терпел, когда на уроке кто-то отвлекался и думал о своем; на этот случай на столе его всегда имелась вымоченная розга.

Мальчишек наказывали здесь же, в комнате, отведя в дальний угол; девочка очень испугалась, когда и ее впервые поймали на той же провинности – она засмотрелась в окно и прослушала обращенную к ней фразу. Она готова была спознаться с розгой – но учитель лишь нахмурился и велел быть внимательнее; мальчишки завистливо глянули – но по обыкновению не сказали ни слова. До сих пор другие дети ни разу не заговаривали с ней.

В другой раз она увлеклась, повторяя пальцем сложный узор на резной столешнице – учитель погрозил пальцем и раскусил в раздражении свою соломинку, но за розгу не взялся. Через несколько минут один из мальчишек, зазевавшись, получил жестоко и сполна – девочка впервые поняла, что имеет здесь некоторое преимущество. А поняв, почти совсем перестала слушать учителя.

Не то чтобы ей не хотелось учиться – наоборот, первые успехи в чтении здорово порадовали ее; не то чтобы она хотела утвердить свое превосходство и подчеркнуть вседозволенность – просто мысли ее не желали подчиняться здравому смыслу. Глядя на картинку в азбуке, где изображен был солдат в полном вооружении, она вспоминала черный от крови луг, неприкаянно бродящих женщин и мертвую куклу среди мертвых, страшно изувеченных человеческих тел; картинка, где доили корову, напоминала ей о матери, о пузатом подоинике с треугольной вмятинкой на донце – она так ясно, так четко представляла себе этот подоиник, что и классная комната, и учитель, и внимающие ему мальчишки казались бесплотными призраками, весь этот новый мир казался сном, и только подоиник с вмятинкой настоящий. Только подоиник в руках ее матери...

Игра понравилась ей. Мир ее родного дома, уютный мир, из которого ее так внезапно вырвали, в мечтах предстал перед ней зримо и осязаемо, будто настоящий. Передник матери... Дешевое колечко у нее на пальце... Деревянные бусы на шее, одна бусинка со щербинкой... Запах молока. Вязаные гамаша отца, вечно занятого, сурового, нелюдимого... Вспомнив какой-нибудь предмет, она воображала его в таких подробностях, в таких деталях, в таких звуках и запахах, что в конце концов все, кроме этого воображаемого предмета, переставало существовать; учитель злился и строго выговаривал ей за невнимательность. Она кивала и прятала глаза.

Наконец, учитель пожаловался старухе, которую все здесь звали Большая Фа; старуха поставила девочку перед собой и сообщила ужасную вещь.

Оказывается, никто, кроме будущего мужа, не смеет наказывать ее, невесту; оказывается, все ее провинности не прощаются, откладываются на потом, и Аальмар, вернувшись, получит подробный отчет о ее проступках и сам, вооружившись розгой, накажет ее сразу *за все*...

После этого жизнь ее превратилась в сплошной кошмар.

По ночам ей снилось возвращение Аальмара; она вздрагивала, слышав вдалеке стук копыт, и по многу раз на день выходила к калитке посмотреть, не пылится ли большая дорога. Учиться она перестала вовсе, хоть и не сводила с учителя глаз, хоть и пыталась вести себя примерно; все буквы, даже давно знакомые, сливались у нее перед глазами, и, сразу ударяясь в слезы, она еле слышно шептала, что не виновата, что не может, что забыла... В одинаковых темных глазах соучеников-мальчишек не было ни капли сострадания – скорее некое мстительное, напористое любопытство. В конце концов, их пороли неоднократно – чем она лучше?!

Проснувшись однажды среди ночи, девочка тайком попросила небо, чтобы Аальмар не вернулся. Не вернулся никогда...

Утром ей сделалось страшно. Она помнила историю о том, как неверная жена пожелала смерти охотнику-мужу и того растерзал медведь; она представила себе Аальмара все на том же поле боя – разрубленного от плеча до пояса. Увидела его неподвижные, глядящие в небо глаза – и принялась молить небо о пощаде. Она сболтнула, не подумав; пусть Аальмар возвратится, пусть запрет ее хоть до смерти – лишь бы не умирал...

И небо услышало ее. Через несколько дней у ворот закричали хрипло и радостно, и все, кто был в доме, включая детей, учителя и рыжую кошку, кинулись встречать.

Девочка не пошла со всеми. Из окна классной комнаты ей было видно, как спешиваются всадники, как отвешивает ритуальный поклон Большая Фа, как тот, кого она сначала не узнала, кивает и приятельски треплет старуху по плечу – он загорел еще больше, его лицо кажется веселым и беззаботным, он оглядывается, спрашивает о чем-то – Большая Фа удрученно качает головой...

Дальше девочка смотреть не стала. Слезла с подоконника и вернулась за резной стол; проклятое, сорвавшееся с цепи воображение показывало ей все, что происходит сейчас во дворе. «Как моя невеста?» – спрашивал Аальмар; Большая Фа качала головой и подробно перечисляла девочкины прегрешения. «Надеюсь, вы не наказывали ее? – спрашивал тогда Аальмар. И правильно. Я накажу ее сам».

На лестнице послышались шаги; она втянула голову в плечи. Она не будет просить пощады; здесь этого не понимают. Здесь даже сопливый Кари, младший из мальчишек, безропотно, без единой слезинки спускает штаны...

– Ты здесь?

Он стоял на пороге. Какой он высокий; как от него пахнет ветром и лошадьми...

– Почему же ты меня не встречаешь, а, малыш? Я так хотел тебя видеть...

Она всхлипнула, не двигаясь с места.

– Ты плачешь?!

Он уже стоял рядом; ощутив на голове его ладонь, она присела, будто желая стать меньше ростом.

– Что случилось? Кто тебя обидел, кто?!

Она рассказала все и сразу. Она просто не могла жить с такой тяжестью на сердце – ведь она пожелала ему смерти... Потому что испугалась розги. Ей стыдно, ей страшно, она не хотела злого, но пусть он ее накажет и за это тоже. Пусть только поскорее, потому что у нее больше нету сил ждать...

В дверях стояли Большая Фа и любопытствующие мальчишки; повинуясь жесту Аальмара, они в мгновение ока закрыли дверь снаружи, и по лестнице зазвучали быстрые удаляющиеся шаги. Она перевела дыхание – хоть свидетелей не будет...

Он поставил ее между коленями. Обнял, как иногда, в минуты радости или нежности, обнимала ее мать:

– Я не собираюсь тебя наказывать. Я и не буду тебя наказывать. Никогда.

Еще не веря, она подняла на него красные, мокрые, отчаянные глаза; он смотрел серьезно и как-то грустно, и она впервые увидела его лицо как бы целиком – и выдающиеся скулы, и тонкие ровные губы, и лоб с прилипшей к нему прядью, и тонкую синюю жилку на виске:

– Не плачь.

И тогда, в голос заревев от благодарности и колоссального облегчения, она прижалась к нему всем телом и спрятала лицо в отвороте его куртки.

Он пах дорогой. Железом и лошадьми. Чудные запахи.

* * *

Старичок в лиловом бархате прекрасно знал, что выглядит зловеще. Игар успел повидать на своем веку нечто куда более страшное, но все равно содрогался, когда приходилось прислуживать этому маленькому, тощенькому старичку.

– Это свой человек, – небрежно пояснила ясновельможная в ответ на обеспокоенный старичков взгляд. – Он вполне надежен.

«Ясновельможной» она была в такой же мере, как, скажем, «королевой»; Игар давно уже понял, что эта изящная, обворожительная женщина так же родовита, как и он сам. Однако надо же как-то называть даму, превзошедшую могуществом самого властителя КорБора; не «девкой» же, в самом деле, ее звать?!

Игар прекрасно знал, что звали и «девкой». Шепотом и злобно, и очень часто расплачивались потом за непочтение; по крайней мере жена властителя КорБора расплачивается сполна. Дорого платит.

Старичок возился, раскладывая на красной скатерти сложные и странные приспособления; Игар стоял за креслом женщины, бесстрастно ожидая приказа. Ясновельможная неподражаема во всем – случайный парень с улицы так потряс ее своей жертвенностью, что сразу получил место при ее священной особе, причем место это оказалось особо доверительным... и опасным. Потому что большое доверие оборачивается подчас...

Игар сглотнул. Звезда Хота не гвоздями прибита к небу; звезда Хота по волоску отмеряет Игарово время. Эта красивая женщина притягивает, манит, как маяк. Только не мореплавателей зовет, обещая сушу, покой и портовый кабачок; мошек завлекает, глупых мошек, для которых разведен огонь...

Дабат.

Требур был первым городом, встретившимся ему на пути. Ближайшим к Замку городом; ясновельможная была самой яркой женщиной на всю большую округу. Он не задумывался, откуда такая удача – просто шел на огонек. Тиар, Тиар, Тиар...

Он вздохнул. Затащить куда-то эту женщину так же просто, как на собачьем поводке доставить в срок шаровую молнию...

Если это – Тиар. Если это она.

Старичок осторожно раскрыл тонкой работы коробочку, сооруженную из стекла и яшмы:

– Вот... Здесь два комара. Один напился крови властителя, другой – наследника... Должен сказать, проклятый мальчишка прихлопнул трех подряд комаров – вернулся лишь четвертый... Таким образом, кровь, взятая из живого тела. Это сподручнее было бы делать иголкой, однако...

Игар содрогнулся. Ясновельможная махнула рукой:

– Дальше. Мы не станем гоняться за КорБором с иголкой... Дальше.

– Дальше, – старичок обиженно поджал свои зловещие губы, – дальше я сличил эту кровь, родственную кровь, как предполагается... С помощью уникальных, тончайших процедур, описанных в моем трактате, именуемом «Естественные и магические свойства крови», который написан был...

– Дальше, – уронила ясновельможная, и будь она трижды телятницей – сказано это было непререкаемым тоном полновластной госпожи. – Мы подходим к самому важному – к результату.

– А результат, – старичок вскинул узловатый палец со свежим порезом, – результат: наполовину.

Некоторое время все молчали. И женщина, и в свою очередь Игар тщетно пытались вникнуть в смысл сказанного.

– Как – наполовину? – медленно спросила наконец ясновельможная. Сын властителя – наполовину сын властителя? Вы это хотите сказать?

Старичок нетерпеливо затряс клочковатой бородой:

– Нет, э-э-э, госпожа. Властительский сын может быть сыном властителя в такой же степени, как и... быть сыном какого-нибудь другого человека. Наполовину. Половина шансов.

– Удивительно точное исследование, – холодно бросила ясновельможная. Игар переступил с ноги на ногу.

Женщина поднялась; темные волосы с медным отливом вздрагивали на плечах в такт ее шагам. Игар остался на месте.

– Ну, а «другой человек»? – спросила ясновельможная, остановившись перед старичком в лиловом бархате. – Ваш комар кусал и его тоже?

Старичок виновато улыбнулся:

– М-м-м... госпожа. Сличив его кровь с кровью сына властителя, я получил то же самое. То есть мальчишка мог быть сыном господина Са-Кона, а мог и...

И алхимик развел руками.

Игар тихонько вздохнул. Господин Са-Кон был тем самым господином, которому не так давно он отнес злополучное послание. В письме, учтивом до оскорбительности, содержался достаточно грубый намек на юношескую связь господина Са с нынешней властительницей КорБор, и на сомнительное, с точки зрения родословной, происхождение ее сына. Прочитав письмо, благородный господин взбеленился и, как и рассчитывала дальновидная женщина, сорвал злость на посланнике; Игар зябко поежился, вспоминая тот удачный и печальный день.

– Хорошо, – бодро сказала ясновельможная. – Во всяком случае, ваши опыты не отрицают... нашего милого предположения. Добавить сюда детский портрет Са-Кона... необыкновенно похожий на нынешние портреты наследника КорБоров. Добавить сюда сроки... Переписку... Письма Са-Кона не сохранились – полагают, что добродетельная властительница сожгла их, решившись выйти замуж за КорБора. Но ее-то письма, по счастью, удалось раздобыть...

Игар понял, что ему не будет жалко Тиар. Если это Тиар. Не будет жалко, когда тот, что живет в сетях, потянется к ней жвалами... Или что там у него есть. Не жаль ее. Ни капельки.

Он не выдержал и усмехнулся. Стоять перед логовом живого тигра и раздумывать о фасоне полосатой шубы – это ли не занятие для доверенного слуги властолюбивой дамы...

Женщина резко обернулась:

– Ты чего смеешься?!

Он закрыл рот рукой:

– У меня... Наоборот. Когда я волнуюсь... всегда смеюсь. Когда смешно – не смеюсь... Всегда так было.

Он захлебнулся нервным смехом; к его удивлению, жестокий огонек в ясновельможных глазах погас:

– А... Это бывает. Смейся.

Однако ему уже расхотелось.

Через несколько дней в розовый сад с одинокой коровой наведалься властитель КорБор. Игар наблюдал за ним издалека; властитель был одновременно взбешен, растерян и расстроен. Последовал долгий разговор с ясновельможной – наедине; Игар ожидал поодаль – подай женщина условный знак, и он явился бы с услугой, прервав тем самым опасное уединение. Но ничего подобного не произошло; оба поднялись со скамейки одновременно и направились к дому – рука в руке. КорБор остался на ночь.

Слуги давным-давно знали, из-за чего переживает властитель; молва однозначно решила, что КорБоров сын будет официально признан ублюдком и лишен наследства. Что же до его жены, то даже самая гулящая посудомойка с пеной у рта поносила ее, как суку.

Спустя еще несколько дней властитель явился опять – черный как туча. Игар услышал обращенные к женщине отрывистые слова:

– ...и окончательная правда. Мне надоели догадки; он уже в пути. Я не поспею.

Ясновельможная долго молчала. Потом спросила, кажется, потрясенно:

– Властительницу... ее?!

– Его, – криво усмехнулся КорБор. – Мерзавца Са-Кона. Мои люди возьмут его сразу, как тот человек прибудет.

Игар ждал, что женщина ответит – но она промолчала.

В сумерках она бродила по саду в одиночестве. Игар, пользовавшийся достаточной свободой передвижения, проник туда же; над верхушками неподвижных деревьев, над розовыми кустами простиралось дивное, испещренное звездами небо. Звезда Хота стояла пока высоко.

Если бы они с Илазой смотрели на одну и ту же звезду!.. Нужно было уговориться. Тогда по крайней мере ночью он не чувствовал бы себя таким одиноким. Он знал бы, что Илаза смотрит на небо и думает о нем...

Впрочем, она смотрит и так. Наверняка; звезда – их свидетель, их часы...

Белое платье ясновельможной маячило на берегу озера. Я принесу тебя в жертву, подумал Игар с внезапной решительностью. Ты заложница. Ради Илазы. Ради...

И, неизвестно на что надеясь, он шепотом позвал:

– Тиар!

Ему показалось, что фигура в светлом платье пошевелилась. С замиранием сердца он позвал снова:

– Тиар! Тиар!

«А как объяснить ей? Откуда я знаю ее настоящее имя?!»

Фигура в светлом платье медленно двинулась Игару навстречу. Он отступил и позвал снова; ясновельможная подошла совсем близко. В темноте он не видел ее лица.

– Принеси светильник.

Холодный и властный приказ. Она хранит свое имя в тайне; сейчас последует разбирательство, к которому он, Игар, не готов. Он поддался порыву, сиюминутному желанию – и теперь времени на размышление у него как раз столько, сколько потребуется, чтобы сходить за фонарем. А голова как-то сразу опустела – ни одной лазейки, ни одной толковой мысли, только чередуются под ногами посыпанная песком дорожка – каменные ступени – дощатый пол, снова ступени, дорожка, трава...

Ее брови оказались сдвинуты, а губы плотно сжаты:

– Кого ты звал?

Он молчал, растягивая время. Он уже решил сказать ей, что она ослышалась; в этот момент она резко наклонилась к нему, ухватив за воротник:

– Если ты, сопляк... Имей в виду, щенок, что я запросто могу забыть все добро, что тебе сделала... Будешь плакать, а слезы не помогут!

Игар будто проглотил язык. Фонарь в его руке мелко дрожал; баронесса продолжала тоном ниже:

– Эх, ты... «Тиар»... У тебе уже были девочки? Когда-нибудь?

Он произвел головой странный жест, который мог означать как «да», так и «нет». Как в вопросе о происхождении властительского наследника: «наполовину».

– Иди в дом, – совсем уже мягко сказала женщина. – Скажи камеристке, что на сегодня она свободна... Ты мне сможешь раздеться. Я сейчас приду.

И, не интересуясь Игаровой реакцией, она медленно двинулась между розовых кустов. Некоторое время он стоял, как пень. Потом аккуратно поставил фонарь на землю; потом снова поднял. Розовые кусты отбрасывали жуткие тени. Не пристало столь благородным и нежным растениям так ужасно выглядеть в сумерках...

Он пошел к дому, и ноги его заплетались. «Обмани ее, соблазни»... Все идет как нельзя лучше. Вот только нет ли у нее традиции на следующее утро после бурной ночи топить случайных любовников в этом, скажем, круглом озерце?! Для ее натуры это было бы весьма логично. Что такое для нее – это ее настоящее имя? Ты знаешь, я знаю, оба мы молчим, а постель – самое удобное место, чтобы придушить удавочкой... этих, которые слишком осведомлены...

Он мрачно усмехнулся. Любые страхи тускнеют перед главным: ради спасения Илазы ему придется... ой, как плохо. Как гнусно. Как совершенно невозможно... Самое время перелезть через забор и дать деру. Зная, что Илаза обречена. Зная, что...

Игар остановился. Надо уходить, Святая Птица. Надо...

В сторожевой будке у ворот горел свет; на секунду ему представилось, как он оглушает женщину канделябром по голове и перебрасывает ее бездыханное тело через дальнюю решетку сада. Бред...

Он беспомощно оглянулся. Из глубины сада медленно приближалось светлое платье.

– ...Так ты действительно девственник?

Святая Птица, спаси меня. Вытащи меня отсюда, я не могу...

Женщина улыбнулась. Полукруг ее зубов был как луна:

– Значит, ты не умеешь расстегивать платья? И корсеты?

Ее запах был запахом роз, к которому примешалась тонкая струйка пота. Ее движения были движениями лани; Игар стоял столбом, и по спине у него крупными градинами катилась влага. Он не чувствовал ни намека на возбуждение – только отчаяние и тоску.

– Ну, девственник? Помоги же мне!

Тонкие руки ловко подобрали лежащие на плечах волосы. Перед глазами Игара обнаружился длинный, бесконечный ряд петель и крючков.

– Ну-ка, Игар?

Пальцы потеряли чувствительность. Он бездумно расстегивал крючок за крючком, и в какой-то момент с надеждой поверил, что застежки никогда не кончатся. Бесконечны.

Наконец платье разошлось под его руками; под ним – о радость! оказался еще один ряд, такой же, даже чуть длиннее; ясновельможная глубоко, все глубже дышала:

– Ты мастер... А притворяешься скромником... Нам некуда спешить. Продолжай, как начал – не торопись...

Он увидел ее спину. Белоснежную, чистую, без единого волоска. Ткань под его руками медленно расплзлась к плечам; сам не зная, что делает, он упал на колени и рывком обнажил правую лопатку.

Совершенно чистая кожа. Как снег. Ни намека на родимое пятно в форме ромба.

Она удивленно обернулась:

– Игар? Что с тобой?

– Ни... чего, – выдавил он через силу.

– Ну так продолжай!

Тогда он понял, что погиб. Потому что под страхом самой страшной смерти он не ляжет с ней в постель. Собственно, он знал это и раньше; даже призрачная надежда спасти Илазу никогда не заставила бы его...

...а она не простит. Она уже почти уморила КорБорову жену, она сживет со свету Са-Кона и этого незнакомого Игару мальчика... Что ей какой-то Игар – вошь... На один замах, и то слабенький... Она не знает, что он бывший послушник, а если б и знала...

Теплая рука ласково легла ему на голову:

– Что, малыш, испугался?.. Ты такой славный... Такой... Не бойся. Хочешь, я тебя обниму?

Запах роз и пота стал сильнее. Запах пота, исходящий в лесу от усталой Илазы, не казался Игару противным – а теперь он инстинктивно задышал ртом. Руки ясновельможной соскользнули с его плеч на спину, женщина гортанно муркнула – и он выдавил совершенно неожиданно:

– Не... не надо... запах такой...

Ясновельможная опешила. Она просто потеряла дар речи; взгляд ее впился в Игара, будто пытаясь опровергнуть услышанное ушами. Игар попятился, наметив путь к отступлению.

И в этот самый момент послышался негромкий, деликатный стук в дверь:

– Госпожа! Госпожа!

Ясновельможная зарычала. Раздраженно обернулась:

– Ну?

– Госпожа, тот человек только что прибыл... Наши люди встретили его – через пять минут он будет здесь. А к властителю – только утром...

Пользуясь минутным замешательством женщины, Игар прыгнул. Откинул украшавший стену гобелен – через эту потайную дверь ясновельможная привела его, теперь он наугад бросился в темный, узкий коридор, скоро сменившийся лестницей. Он спотыкался, больно ударяясь, держался руками за холодные стены и глупо улыбался во весь рот, бесконечно повторяя про себя: ушел, спасся... Удрал от сучки. От потаскухи. Удрал!!

Потайной ход закончился снова-таки гобеленом; щурясь, Игар выбрался в коридор – широкий и освещенный, плавно переходящий в гостиную. Витражные двери оказались широко распахнуты; до спасения оставалось всего несколько усилий и всего несколько минут – однако в гостиной ожидал приема тот самый долгожданный гость. Гость стоял спиной, и был он приземист и толст.

Игар скользнул вдоль стены, желая произвести как можно меньше шума – и, вероятно, именно потому задел локтем декоративную подставку с цветами. Послышался звон разбиваемого фарфора.

Долгожданный гость обернулся ему навстречу. Голубые глаза его казались двумя бумажными васильками; у ног стоял пузатый саквояж, хранящий до поры до времени Перчатку Правды.

Крик застрял далеко у Игара в глотке. Ослабевшие ноги отказались повиноваться – чтобы убежать, пока еще есть такая призрачная возможность, или по крайней мере кинуться на толстяка, чтобы зарезать его осколком фарфоровой вазы...

В это время совсем другой, рассудочный Игар удивленно подумал: так вот кого она ждала. Вот кого вызывал властитель; бедный Са-Кон. Бедный господин Са-Кон, как жестоко отольются тебе те колотушки, которые получил по твоему приказу неудачливый посланец Игар... Теперь ты признаешься, что у жены властителя КорБора не только сын от тебя, но и...

Все это время уложилось в одну секунду. Длинную секунду, пока толстяк и Игар смотрели друг на друга.

Потом толстяк тихо улыбнулся:

– Привет. А тебя уже все похоронили.

Игар впервые слышал его голос. Неожиданно низкий, глухой.

Он медленно-медленно двинулся назад. Пятясь. Толстяк сделал всего один шаг – и оказался вдруг ближе, много ближе, нежели был; воистину, в некоторых искусствах он был не менее искушен, чем сам Отец-Разбиватель... Которого Игар, его худший ученик, неустанно позорит...

– Стой, – тихо уронил Перчатка Правды.

Игар уперся спиной во что-то твердое. Кажется, дверной косяк.

– Ты живой... Это хорошо, – толстяк довольно улыбнулся, и по спине Игара продрал мороз. – А девчонка жива? Илаза?

Игар не то кивнул, не то дернул головой.

– Я так и думал... Не трясись.

Застучали по лестнице чьи-то шаги; наверху послышался раздраженный голос ясновельможной. Игар прерывисто вздохнул.

– Не дрожи, говорю... Я сейчас не на работе. Я вроде как в гостях. Приватная особа. До тебя мне дела нет...

Игар не поверил собственным ушам.

– Сейчас – иди. А потом – не попадайся... Не попадешься?

Игар замотал головой: нет.

– Иди.

Игар отступил. Потом еще отступил. Потом еще; толстяк не двигался с места, по-прежнему усмехаясь. Игар повернулся, готовый без оглядки бежать – и не побежал.

Толстяк смотрел – уже с интересом.

– Я... – Игар подошел, сдерживая дрожь в коленях. – Я что... назвал их? Это я назвал? Ятерь и Тучка? Я... выдал?

Перчатка Правды улыбнулся. Широко и многозначительно.

Голос ясновельможной донесся из коридора напротив. Игар повернулся и побежал, как не бегал никогда в жизни.

Привратник не получал никаких предостережений на его счет; ворота успели лишь приоткрыться – а Игар уже вырвался, обдирая бока, и, не чуя под собой ног, кинулся прочь.

Звезде Хотя было все равно. На нее напозла мелкая, клочковатая ночная туча.

Глава четвертая

* * *

Сначала она бежала, но потом пришлось перейти на шаг, потому что в боку резало, будто ножом, в горле пересохло, а дышать не получалось иначе, как со всхлипом. Самое время было упасть в траву и отдохнуть но она шла и шла, припадая на расцарапанную ногу.

Овраг остался далеко позади; до темноты она должна во что бы то ни стало выйти из леса. Выйти в поле – там он ее не догонит. Положим, у него собачий нюх, он пойдет точно по следу, он движется, как летящий камень – но у нее преимущество долгого дня пути. Будь лес бесконечен – у нее не было бы шансов; он, вероятно, на это и рассчитывал, когда оставлял ее свободной, полностью свободной на целый день. Возможно, он не знает, что людские поселения подступают к самой опушке, что под стенами леса возделывают пшеницу, что там он будет бессилен...

Между стволами мелькнула белка. Илаза вымучено улыбнулась: здесь предел его владениям. В его царстве давно съедены белки, и птицы... И она их тоже ела. Он оставлял ей птичьи окорочка, а она пекла их и ела, потому что хотелось...

Она наступила на острый камушек, болезненно поморщилась, но не замедлила шага. Вот так, наверное, чувствует себя пущенная в цель стрела – летит и летит, и ее путь становится ее продолжением, частью ее тела. Илаза – и ее путь. Наивысший смысл жизни – идти, переставлять ноги, все вперед и вперед...

Впереди показался просвет. Она засмеялась, не веря себе: так скоро?! Так просто? Или просека? Ведущая к жилью?

Она побежала. Не обращая внимания на бьющие по лицу ветки. Будто к поясу ее привязана крепкая упругая веревка, и ее тянут вперед... Когдаобразишь себе такое – легче бежать. Легче идти. Ну... Уже... Ну...

Она по инерции прошла еще несколько шагов – и стала. Еще один овраг?! Да сколько их в этом лесу, одинаково глубоких и длинных?

Она нерешительно двинулась по краю – и увидела обломанную ветку. Дальше – еще одну; огляделась, взяв себя за лицо. Зашаталась и тяжело осела.

Водит? Водит проклятый лес, или она сама виновата, сбилась с прямой, завернула в сторону, дура, сделала круг, как деревенская девчонка в погоне за грибами?..

Солнце стояло в зените. Жестокий, маленький белый глаз.

Она стиснула зубы. Так просто она не сдастся. Теперь она будет умнее, и оставшиеся полдня не пропадут так бездарно...

Здравый смысл спросил тихонько: полдня? А почему не отдохнуть, и с новыми силами... Завтра... с утра...

Она мрачно ухмыльнулась. Паук наверняка почует неладное и спутает ее, как лошадь. С путами на ногах далеко не уйдешь...

Новый полет стрелы. Теперь она намечала впереди цель – приметный ствол дерева – и шла прямо к ней, не опасаясь, что закружит опять.

...Мама. Беспощадные раскосые глаза: не показывай, что тебе больно! Прекрати реветь, иначе на смену боли от ухаба последует куда более сильная боль – от удара. Я слишком люблю, чтобы щадить... Длинная трещина на темном комодe, бурое голубиное перо, слетевшее откуда-то на пол. Тень, падающая от высокой Адиной прически – она всегда и во всем старалась

походить на мать. Но не выдержала сравнения, проиграла, призвала в судьи шелковую петлю на пояске...

А она, Илаза, мечтала быть похожей на сестру. Как ей хотелось влюбиться! Долго, очень долго не получалось – а потом захватило дух, она угодила в какой-то шальной вихрь, угар... Игар... Алтарь. Костяной шарик на подлокотнике материнского кресла. Дом, в котором умерла Ада... Защелкивается дверца – но зверек уже вырвался, оставив на прутьях кровь и лоскутки кожи. Потому что я люблю тебя, мама... Мама...

Солнце село. Уже село солнце; почему же все не кончается и не кончается лес?!

Она побежала. Налетая на стволы, падая и поднимаясь снова. Стрела не знает обратного хода... Цель – это продолжение стрелы... Жить... Игар – продолжение Илазы... Ада была продолжением матери и потому погибла. Вперед... Расступайся, лес, расступайся...

Лес расступился. Илаза споткнулась и упала на четвереньки.

Даже в полутьме ей не надо было приглядываться – овраг сочувственно поводил ветвями, бессмысленно шумел ручей, и напознала, выбиралась из оврага ночь...

Стрела, чей наконечник застрял в оперении. Змея, удивленно уставившаяся на собственный хвост.

Она не заплакала. У нее больше не было слез.

* * *

...Провинция Ррок велика и многолюдна. В провинции Ррок полнымполно женщин – юных и старых, тучных и стройных, белокурых и рыжих, черноволосых и совершенно седых. Армия женщин, муравейник женщин, нашествие женщин; их больше, чем мужчин, девчонок и старух, вместе взятых. У каждой третьей в волосах можно найти оттенок меди – при желании, если очень захотеть его увидеть. И уж конечно, никто из них не обнажает на людях спину, открывая взору родимое пятно в виде ромба...

Крепкий немолодой человек, чью голову украшала высокая войлочная шляпа без полей, скептически оглядел огромную грудку кирпичей, занявшую собой целый угол просторного двора. Покачал головой:

– Что ж ты скинул их, как попало? А в штабелек, в штабелек кто уложит? Киска?

– Так возница торопился, – глухо ответил работник. – Сбрасывай, сказал, а то мне ехать надо...

Обладатель войлочной шляпы почесал под носом:

– Так, это... я вознице не за то заплатил. А ты, лодырь криворукий, не получишь, пока не уложишь ровнехонько, штабельком... Чтоб красиво. Чтобы брать сподручнее... Пошел, говорю. Пошел работать.

Работник, дочерна загорелый парень в перепачканных глиной штанах, облизнул запекшиеся губы и молча вернулся к кирпичной грудке.

Войлочная шляпа неторопливо вернулась в дом. Дом – весьма примечательное строение – стоял на перекрестке двух больших дорог и имел с фасада вывеску «Колодец для жаждущих». По случаю рабочего утра жаждущих в обеденном зале было всего трое, и Гричка, придурковатая помощница кухарки, вполне справлялась в одиночку. Прикрикнув на нее для порядка, обладатель шляпы вернулся на заднее крыльцо и вытащил из кармана куртки маленькое зеленое яблоко.

Работник ворочал кирпичи. Спина его сделалась совсем уж черной от пыли – капли пота, скатываясь, оставляли на ней серые дорожки. Обладатель шляпы надкусил свое яблоко; за его спиной скрипнули доски крыльца.

– Во как, – заметил хозяин, не оборачиваясь. – А я, дурак, думал троих нанимать.

Кухарка – а именно кухарка и вышла сейчас на крыльцо, больше некому – задумчиво хмыкнула:

– Все они... У меня первый муж тоже вот, за утреннюю чарку шелком ложился, что угодно готов был... А потом надерется к вечеру – скотина скотиной. Этот хоть тихий...

Работник, не рассчитав поднял зараз слишком большую ношу – и упал, выронив кирпичи, болезненно охнув.

– Побьет, зараза, – хладнокровно предположил обладатель войлочной шляпы. – Перебьет товар.

Кухарка усмехнулась:

– Откуда еще силы берутся... Эдакий запой. Уж больше недели... не просыхает... Тут здоровый мужик загнется – а это папан, у меня старший сын поздоровее будет...

– Ты, это, – невесть почему забеспокоился обладатель шляпы. – Хорошего вина не давай ему. Неча переводить... Сколько в него входит? Прежде чем отвалится? Полбочонка, нет?

Кухарка презрительно усмехнулась:

– Стану я... Полбочонка... У меня Гричка табака ему... добавляет... Так он двух кружек падает и спит.

– Кабы все работники так, – обладатель шляпы выплюнул попавшегося в яблоке червяка. – Чтобы всей платы – две кружки...

– Так надолго ж не хватит, – пророчески заметила кухарка. – Не хватает их... Этот уже вчера... Не к аппетиту сказано, но всю каморку свою облевал! Не жрет ничего, так желчью... Гричка ругалась-ругалась... У меня первый муж как свечка сторел...

– Пьянь, – проронил обладатель шляпы с отвращением. – Пьянь и есть.

Тощий яблочный огрызок улетел в траву.

...Он потерял бездну времени, но сейчас он встанет. Встанет и пойдет... Ну до чего плохо.

Дубовый стол поднялся на дыбы и больно стукнул Игара по лбу. Как вчера. Вчера он так и заснул – неся на лице грязную столешницу. Длинная, длинная жизнь. Отвратительное пойло, без которого, однако, еще хуже. Как муха, которую Гричка накрыла стаканом – нечего биться в прозрачные стенки. Сложи крылышки...

Игар, встань. Встань!!

– ...не давать в обеденном зале!.. Волоки его теперь... Сама волоки, коли такая дура...

Заплеванный пол. А проснется он на сене – в той самой каморке, где занавешено тряпкой окно. Занавешено, закрыто от взгляда звезды Хота...

Он поднял голову; мир сворачивался черным жгутом и куда-то уползал, ускальзывал по кругу, по кругу... Что-то еще булькает в глиняном стакане, что-то темное, маслянистое плещется на дне...

Не пей. Ну какой ты мерзавец... Не пей, не сдавайся... Не пей же... Вставай, скотина!!

Перепуганная физиономия Грички. На кого это орет вдребезги пьяный работник?..

Он сделала глоток – и провалился в яму без дна.

«Ищи; ты найдешь ее, как в темноте находят маяк. Она не похожа на прочих женщин; в больших городах ты найдешь ее скорее, нежели в глухих поселках, однако и в поселках ищи. Ищи скорее».

Он потерял бездну времени. Его звезда встает теперь позже и поднимается ниже, а провинция Ррок велика, и дороги спутались в ней, как трубуха в животе великана. Его ноша гнет к земле, а разделить ее не с кем.

* * *

– ...Отдай! Отдай, слышишь!.. Не трогай, отдай!!

Девочка несмело заглянула в палисадник; Лиль, всклокоченная, как метла, металась между своими малолетними дядьями, которые, став треугольником, хладнокровно перебрасывали из рук в руки пеструю куклу с большими ступнями, такую же встрепанную, как Лиль.

– Отдайте! Я... Я... А-а-а!

Лиль ревела. Девочка и раньше становилась свидетельницей перебранок и даже потасовок между своими новыми родственниками, однако такого нахальства мальчишки прежде себе не позволяли; она удивилась, почему это Лиль не бежит с жалобой к матери. Почему-то любое обращение ко взрослым за помощью здесь считается ябедничеством...

Младший из мальчишек, Кари, очутился к девочке спиной. Старший из его братьев, Вики, ловко перебросил куклу через голову ревушей Лиль – Кари подпрыгнул и поймал; не очень-то раздумывая, девочка кинулась к нему, выхватила куклу из его занесенных рук и отпрыгнула назад.

От неожиданности Кари не сразу понял, в чем дело; все четверо, только что непримиримые враги, теперь стояли одной плотной кучкой и глазели на девочку. Лиль – сквозь слезы, Кари – с обидой и удивлением, старшие мальчишки – нарочито равнодушно, по-взрослому, с затаенным вопросом.

Она не знала, что говорить, только плотнее прижимала к себе куклу. Маленькой Анисе далеко было до этой, большеногой, с лицом из настоящего фарфора, с длинными и густыми ниточками-волосами; обо всем этом девочка подумала мельком, потому что Вики, старший, шагнул вперед и протянул руку:

– Отдай!

Она отступила, спохватилась, что будто бы пятится, и быстро вернулась на прежнюю позицию:

– Она что, твоя?

Вики нахмурился. Когда он сдвигал брови, то был удивительно похож на собственную мать – крепкую черноволосую женщину, сейчас она на кухне, солит грибы...

Девочка не успела додумать свою мысль. Вики прыгнул, схватил куклу за ступни и резко рванул к себе:

– А ну отдай!

Затрещало кукольное платье; девочка испугалась, что тряпичное тело сейчас разорвется пополам – но выпускать куклу не стала. Вики рванул еще – он был на голову выше и в полтора раза тяжелее, но девочка оказалась цепче.

Некоторое время они молча трудились – каждый тянул куклу к себе, причем с очередным рывком упрямого Вики девочка всякий раз моталась, как щенок на веревочке; потом средний брат, Йар, предостерегающе крикнул – у ограды палисадника стояла Большая Фа, и под ее лысыми бровями холодно поблескивали суровые маленькие глаза.

Никто не оправдывался; Вики выпустил куклу, Кари спрятался за спину Йара, Лиль не стала жаловаться на дядьев. Большая Фа задержала изучающий взгляд на девочке – а потом повернулась и неспешно зашагала к дому, и девочка услышала, как облегченно вздохнул за ее спиной перепуганный Вики.

– Тебе нельзя драться, – сказала Лиль; девочка не сразу поняла, что эти слова обращены к ней. – Тебе нельзя драться, потому что ты невеста Аальмара.

Не оборачиваясь, девочка протянула ей куклу:

– На...

Кукла надорвалась-таки; Лиль деловито задрала ее синее в горошек платьице и пальцем запахнула клочок ваты обратно в дырку на кукольном животе. Девочке захотелось еще раз потрогать мягкие, растрепанные куклины волосы – но она не стала. Аниса была совсем на такая красивая – но Аниса была лучше...

– У меня тоже была кукла, – сказала она вслух. – Но она умерла.

– Куклы не умирают, – заявил Вики.

Девочка перевела на него серьезный взгляд; мальчишка почему-то смутился и опустил глаза.

– Куклы тоже умирают. Да, – она запнулась, не зная, что еще сказать.

– У невест не бывает кукол, – сообщил Йар.

Лиль потянула носом; встретившись с ней глазами, девочка с удивлением увидела неприкрытую, уважительную зависть:

– Да-а... Тебе нельзя-а...

Девочка отвернулась. Ей почему-то стало тяжело и грустно. Как в самые первые дни, когда без тоски по дому нельзя было прожить ни минуты.

– Счастливая, – шепотом вздохнула Лиль.

– Почему? – спросила девочка, глядя на фарфоровое кукольное лицо.

– У тебя есть жених... *такой* жених... А у меня, – Лиль бесхитростно сунула палец в ноздрю, – у меня нету...

Девочка опустила глаза:

– Да... Но зато у тебя... у тебя есть мама.

* * *

Провинция Ррок покрыта сетью дорог и дорожек. Самые прямые и ухоженные из них ведут в город Турь – столицу; где страннику искать яркую, незаурядную женщину? Куда идти с расспросами... да и просто наудачу?

В Турь. Дабат – да будет так.

В больших городах полным-полно длинных языков. В городе Турь особенно многолюдно, суетливо, полным-полно приезжих и заезжих, купцов и бродяг, богатых и нищих. Болтают в корчмах и на базарах, болтают в лавках и на площадях, сплетничают о чем угодно, в том числе и о женщинах; только вот тот, кто слишком внимательно слушает и слишком много спрашивает, рано или поздно получит по шее – не иначе, шпион, «крючок» по-здешнему. Сперва уши распустит, а потом в городскую управу побежит, к начальнику стражи... Раз в пять дней на рыночной площади города Турь обязательно кого-нибудь бьют кнутом – в том числе и за длинный язык. У палача, говорят, жалование от выработки; ежели палач простаивает, так и сам доносчика наймет; и палачу, известно, деток кормить надобно.

Игар обходил таверну за таверной, прислушиваясь к болтовне и иногда задавая ничего не значащие вопросы. Он давно уже приготовил легенду о пропавшей сестре, которую дома ждет наследство – но пустить ее в ход все никак не решался. Та, что не похожа на прочих женщин, вряд ли затеряется среди множества благополучных домохозяек; она может оказаться на вершинах власти либо на дне отчаяния, и подобную женщину будет очень трудно выдать за искомую сестру. Легенда была с изыянчиком но ничего лучшего пока что не приходило Игару в голову.

Потом его заметили. Молодой, но толстый и дряблый подмастерье, встреченный Игаром в очередном трактире, безжалостно его обличил:

– А-а-а! Гляди, хозяин, крючок приперся, я его вчера еще в «Золотом баране» приметил...

Хозяин, крепкий косоротый старик, насторожился, однако повел себя сдержанно. Обычная Игарова история о сестре и наследстве собрала достаточно слушателей – сочувствующих и недоверчивых. Подмастерье время от времени призывал не верить «вонючему крючку» и скорее бить ему морду – в конце концов Игар, не удержавшись, ловко ухватил неприятеля за курносый веснушчатый нос. Этому молниеносному приему Отец-Разбиватель специально никого не учил – Игар сам выучился. Наглядно, так сказать.

Подмастерье гнусаво пискнул, дернулся, схватился было за Игарову руку – но обмяк, потому что Игар сжал пальцы что есть сил. Отец-Разбиватель любил наказывать неумех таким вот простым и унижительным способом; Игар, нерадивейший из нерадивых, прекрасно понимал, что чувствует сейчас подмастерье.

– Дурак ты, – раздумчиво произнес хозяин, но слова его, против ожидания, не имели к Игарову жесту никакого отношения. – Эдак за тобой сотня девок увяжется – все до наследства охочи... Признаешь ее, Тиар свою заблудшую?

Из выпуклых глаз подмастерья градом полились слезы.

– Признаю, – заявил Игар уверенно. – А кто мне ее покажет – с тем наследством поделюсь... Я не скупой, – и он оттолкнул от себя пострадавшего подмастерья, который тут же и пропал куда-то.

Посетители галдели; Игарова история предложила им множество поводов для болтовни, воспоминаний и ссор. Хозяин чесал бровь и хмурился; кухарка, немолодая женщина с девичьей русой косой, шмыгнула носом:

– В управу сходи... Простлый год ходили со свитками, переписывали всех, и младенчиков, и собак, поди, тоже... Всех переписали, а бумаги в управе хранятся... Так там, поди...

Игар сглотнул. Собственно, на нечто подобное он и рассчитывал слышал когда-то, что в больших городах подчас ведется учет людским душам. Турь же – самый известный и просвещенный город во всей провинции; устами кухарки говорила сейчас сама Святая Птица.

– Только тебе такую перепись не покажут, – предположил хозяин, и уголок его косога рта опустился еще ниже. – Разве что взятку... А ты, сдастся, голодранец?

– ...А ну, голодранец, иди сюда!.. Вот он, ребя! Вот он, крючок недобитый!..

У дверей стояли трое, и лицо их вдохновителя было перепачкано кровью и перекошено ненавистью:

– А ну, иди сюда! Иди, крючок, по-хорошему!

Хозяин сплюнул сквозь зубы:

– Ты, Величка... Дырка тебе будет, а не кредит!

Окровавленный подмастерье растерялся ненадолго:

– А ты крючков, что ли, покрывать?!

Окружавшая Игара гурьба как-то постепенно рассосалась. Хозяин все еще стоял рядом, болезненно морщась: кухарка хмуро бросила от дверей кухни:

– Совести в тебе нет, Величка... Мать твоя, как на сносях была, на жабу наступила... Всю совесть жаба и высосала...

Подмастерье плюнул. Плевков летел удивительно долго – однако в кухарку не попал, повис на дверном косяке. Кухарка тоже плюнула – под ноги – и скрылась в кухне.

– На улицу иди, парень, – бросил хозяин сквозь зубы. – Мне тут драка ни к чему...

Драка, подумал Игар кисло. Трое на одного – теперь это называется драка...

Он подмигнул окровавленному:

– А что, правда, что твоя мать на жабу наступила?

И, дождавшись, пока сузившиеся глаза окажутся совсем рядом, опрокинул в них содержимое стоявшей на столе перечницы.

– ...Господин архивариус не принимают.

Прилизанный писец глядел презрительно и хмуро – на секунду Игар увидел себя его глазами. Бродяжка с синяком на пол-лица и разбитым носом интересуется вещами, которые ему ни по званию, ни по уму знать не положено. Стало быть, пшел вон.

Стараясь повернуться так, чтобы не так бросался с глаза синяк, Игар просительно улыбнулся:

– Так ведь... Посмотреть только. Сестру я ищу, сестра потерялась в детстве, а я ищу вот...

– Не принимают, – бросил писец уже раздраженно. – Сейчас стражу крикну, так в яме переночуешь...

Игар втянул голову в плечи и бочком-бочком двинулся к выходу. Любая встреча со стражей могла окончиться для него неожиданно и трагично.

В обширной приемной полно было народу и полно писцов. Среди всей этой сложной, тяготящейся, подчас бессмысленной возни ходила, флегматично позевывая, рыжая худая кошка, и хвост ее был воздет, как указующий перст. Кошка терлась о ноги жалобщиков и просителей, и время от времени кто-нибудь из писцов рассеянно чесал ее за ухом.

У входа сидел стражник – расслабленный, добродушный, с пестрым вязанием на коленях; проходя мимо него, Игар задержал дыхание. Стражник покосился равнодушным глазом – и снова вернулся к подсчету петель. Огромная пика с зазубринами стояла, прислонившись к стене.

Игар облегченно выдохнул, проскальзывая в дверь; уже на самом пороге на плечо его легла рука. Не успев понять, в чем дело, Игар дернулся и присел.

Маленький человечек с длинными, тусклыми, зачесанными назад волосами поманил его пальцем, зазывая обратно, в приемную. Не решаясь послушаться, Игар вернулся – ноги под ним сделались совершенно ватными.

– К господину архивариусу? – мягко спросил длинноволосый.

Игар медлил, пытаясь определить, что и откуда ему угрожает. Длинноволосый улыбнулся:

– К господину архивариусу платить надобно... У тебя монетки есть?

Игар съежился. Понуро мотнул головой.

– Заработать хочешь?

Игар поднял глаза. Не дожидаясь ответа, длинноволосый взял его за локоть и мягко, но решительно повлек за собой; кто-то из писцов предупредительно распахнул узкую дверь, и Игар оказался в маленькой квадратной комнате, все убранство которой состояло из широкой скамьи и канцелярского стола в углу. Впрочем, имелась еще и кадушка, из которой приветливо торчали вымачиваемые розги.

Игар встал, будто приколотенный к полу. За что?!

Длинноволосый взгромоздился на стол; нога его в пыльном башмаке качнулась, как маятник, Игар на секунду увидел вытертую коричневую подметку. Рука с оловянным колечком на мизинце небрежно указала на скамью:

– Присаживайся, не мнись...

Игар подошел и сел – как на раскаленную сковороду.

– Звать-то тебя как?..

– Игар...

Прямо напротив скамьи вся стена была увешена бумажными лоскутками – белыми и пожелтевшими; каждый снабжен был грозной жирной надписью: разыскивается законом для предания справедливому наказанию... Игар не раз видел подобные листки на людных перекрестках, где они украшали собой столбы и стены.

– Кто ж тебя разукрасил, Игар? Воровал чего-нибудь, а хозяин за руку цапнул, так?

«Разыскивается законом... Снур Кнутабой, беглый, клейменный, повинный в разбое и хулословии... Росту среднего, телосложения тучного, клеймо на лбу старое, синюшное...»

– Ладно, не отпирайся... Бродяжка?..

Игар проглотил слюну. «...для предания справедливому наказанию... Ивилина Ушко, беглая, шлюха, повинная в...»

Длинноволосый усмехнулся:

– Повезло тебе, Игар... Ладно, глазами-то не бегай... Дело есть.

«Разыскивается для предания справедливому наказанию беглый послушник Игар, прозвища не имеющий, восемнадцати лет... Росту среднего, телосложения тощего, глаза имеет серые, волосы русые, нос прямой... Приметы особые: таковых не оказалось. За одного назначена награда сто полновесных золотых, а если кто укажет на...»

Игар очень хотел надеяться, что на лице его, отмеченном кровоподтеком, не отразилось паники. Владелец тусклых волос, вальяжно развалившийся на столе; толпа просителей в приемной, стражник у входа... Сколько времени понадобится блюстителю, чтобы отставить вязание и схватить свою пику?..

...Сто полновесных золотых! Он в жизни не видел столько денег сразу. Кто платит? Перчатка Правды? Княгиня, или, может быть, та, оскорбленная, у которой корова в розарии...

Длинноволосый таинственно улыбался; Игар отвернулся. Святая Птица, а мне-то нужна была одна только, одна серебряная монетка, чтобы подкупить писца и проникнуть к архивариусу...

– Лови!

Игарова рука сама привычно вскинулась и перехватила в воздухе тяжелый звякнувший мешочек. Длинноволосый удивленно поднял брови:

– Ого! А я думал, упустишь... Или ты денежки не роняешь, а? В мешочке явственно прощупывались ребра монет. Некоторое время Игар тупо позванивал невесть как попавшим к нему богатством.

– Ловок ты, – заключил длиноволосый, получая удовольствие от Игарового замешательства. – Ловок... Нынче в трактир пойдешь. Вина закажешь, нажнешься вдоволь – только пьяным чур не напиваться!.. И примешься градоправителя ругать – мол, налоги высокие, всякое там... Законы опять же плохие... Народишко встрянет, и себе ругаться будет – а ты замечай, кто более всех болтает. Как зовут, какого цеха... Потом ко мне придешь – я добавлю. Денежек добавлю – и проваливай на все четыре... Понял?

Игар не понял. Он вообще плохо сейчас соображал, и смысл обращенной к нему речи ускальзывал, терялся за шевелением тонких губ и покачиванием ноги с коричневой подметкой; все силы шли на то, чтобы сохранить прежнее выражение лица. Он чувствовал себя голым, выставленным на всеобщее обозрение со своими глазами, волосами и отсутствием особых примет, но главное – о дурак! – именем, именем, которое он так и не удосужился себе придумать...

Нога. Нога длиноволосого покачивалась заманчиво близко – если схватить за эту ногу, да резко дернуть на себя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.